

16+

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

ЗЛАТА.
МЕДВЕЖЬЯ
СКАЗКА

Джейд Дэвлин

Злата. Медвежья сказка

«Автор»

2019

Джейд Дэвлин

Злата. Медвежья сказка / Джейд Дэвлин — «Автор», 2019

Попасть в другой мир, конечно, лучше, чем умереть. Но почему в медведицу?! Почему я?! Чей это ребенок?! И как так получилось, что я замужем за вот этим вот... за тем самым мужчиной, из-за которого погибла в своем собственном мире?! Вот и выживай теперь в дикой природе, как хочешь, да еще этих двоих постарайся сберечь.

© Джейд Дэвлин, 2019

© Автор, 2019

Джейд Дэвлин

Злата. Медвежья сказка

Глава 1

Я это сделала, я это сделала!

Эта мысль билась в голове ликующей птицей всю дорогу до причала. Старенький пикап подпрыгивал на ухабах и громыхал сложенным в кузов снаряжением, и в такт с этой жизнеутверждающей музыкой сердце билось и подпрыгивало в груди.

Я! Буду! Смотрителем острова! Йес-с!

– Голди, ты уверена? – Джексон озабоченно нахмурился, в пятый раз проверяя укладку. – Мне кажется, это не очень подходящее для девушки занятие, и...

– Я тебя умоляю, кэп, только не начинай опять! – я засмеялась, выдергивая из кузова пикапа свой рюкзак. – Я пять лет мечтала об этой работе и не намерена от нее отказываться.

– Ты ненормальная. В твоём возрасте и с твоей внешностью надо рваться в Нью-Йорк и Голливуд, мечтать о карьере звезды или об удачном замужестве. Ну, на крайний случай – о клевом бойфренде и горячих вечеринках со знаменитостями. А ты едешь в самую глушь, на этот забытый богом остров, чтобы сидеть на нем безвылазно три года! И я бы понял, если бы платили миллионы, а то...

– Кэп, я это уже тысячу раз слышала, смени пластинку. – Пока Джексон бухтел, я успела проверить снаряжение, пристегнуть к поясу фляжку и забрать из кабины ноутбук. – Катер скоро будет?

– Через пятнадцать минут, Карсон уже ответил. Ненормальная русская девчонка, куда только твои родители смотрят... чтобы выходила на связь каждый вечер, поняла? Любая, слышишь, любая нештатная ситуация – сразу докладываешь и вызываешь помощь.

Я только молча закатила глаза. Кэп все никак не мог смириться с тем, что я добилась своего. Смотритель острова Вайкувер – эту вакансию я ждала несколько лет, подвывая от нетерпения, хотя никто в целом свете не разделял моего энтузиазма. К тому же в самый последний момент была почти что драчка за это место с нашим «первым парнем на деревне» Винстоном Грином, и я выиграла! Ха!

Утерся, красавчик-задавака, обладатель самых бугристых мускулов в округе и самой ослепительной улыбки на пятьсот миль вокруг. У-у-у, морда самодовольная, он меня бесит еще со школы. В основном из-за того, что проходу не дает, урод по кличке «мистер Вселенная». И ни фиги не потому, что я ему нравлюсь, всё наоборот – как только он и его кодла меня не дразнили всю младшую и среднюю школу. И больше всего их дергало то, что я не реагирую на словесные подначки, а если кто-то полезет физически – вломлю не по-честному: коленом по яйцам со всей силы, зубами до крови и лабораторным стулом по башке. Бешеная заучка, короче, лесная дикарка и чокнутая русская медвежатница.

– Хей, Голди! – мои воспоминания грубо прервали, сначала ревом выметнувшегося из-за мыса водного мотоцикла, а потом и хвастливым возгласом.

Я, не оборачиваясь, мысленно застонала. Как в воду глядела же – приперся! Соперник, пнем его об сову!

– Даю тебе последний шанс, детка! Откажись от этой идеи, и я, так и быть, приглашу тебя на свидание, конечно, когда вернусь с острова!

Чертов Грин соскочил с лихого, с пеной и брызгами пришвартованного у пирса водного мотоцикла и выпрямился передо мной, насмешливо глядя сверху вниз. Плечи развернул, руки в боки, бицепсы напряг... глазница голубые, волосы белобрысые, улыбка во все тридцать два... мистер Вселенная, мать его! Так бы и треснула.

– Отвали, Гринч, вместе со своим последним шансом, а на свидание сходи с козой! – не люблю грубить, но он меня еще со школы бесит до мурашек в глазах. – Все равно у тебя мозгов на большее не хватит, раз с первого раза не понимаешь. Я не откажусь от места.

– А ты всё такая же грубиянка, детка. – Ослепительная улыбка чуть поблекла – Винс терпеть не мог кличку, которой я наградила его еще в первом классе, переделав обычную фамилию в имя вредного сказочного персонажа, украсившего Рождество. Я это знала и пользовалась, когда слишком уж доставал. – Ладно, провожу тебя до места, полюбуюсь, как ты оценишь, с чем придется столкнуться, и сама убежишь домой к мамочке.

Он снова вспрыгнул на водный мотоцикл и умчался нарезать зигзаги по заливу, благо волн сегодня почти не было, а я сама едва не позеленела от злости, глядя на эти выкрутасы. Попрется за нами на остров, гад, все нервы же вымотает! Настроение испортит в самый лучший день. Тьфу.

С какого зеленого хрена этот Грин-Гринч тоже в биологию подался – загадка. У него любви к природе, на мой взгляд, не больше, чем совести и мозгов у комара. Конечно, в наших краях всё, что связано с экологией и сохранением лесов, – престижная профессия, и зарплата не самая плохая. Но ему с его самомнением и накачанными в тренажерном зале мышцами прямая дорога куда-нибудь на пляжи Калифорнии, шанс ловить.

– Голди, не спи, вон уже катер, – скомандовал тем временем Джексон. – Чем быстрее отправимся, тем больше светлого времени суток останется на обустройство лагеря. А этого клоуна можно припахать в качестве носильщика, если уж твой обожатель за нами всё равно увяжется.

Я забросила рюкзак под скамейку и пошла проверять, как сложены на корме ящики с моим оборудованием, всё еще бурча себе под нос неприличные русские ругательства.

Всё то время, пока катер шел через пролив, белобрысый придурок нарезал круги вокруг нас, фигуруя и выделяясь, как петух перед целым курятником. Джексон ржал и доставал меня намеками на то, что одиночество мое на острове будет весьма относительным, с таким-то поклонником, упорным и хорошо плавающим. Капитан катера вполголоса ругался на особо рискованных виражах, когда белобрысый наездник проносился слишком близко от борта, и почему-то осуждающе косился на меня, а не на долбаного мотоциклиста. А я тихонько сатанела, мысленно посылая заразе в задницу самые горячие иголки от ежа.

Вот какого дохлого лося он приперся меня «проводить», засранец? Просто чтобы испортить радость от победы? А похоже.

Старательно глядя только прямо по курсу и не обращая внимания на рискованные пируэты Гринча, я решила – не буду о нем думать, обойдется. Лучше вспомню свой путь к этому выигрышу, он был хоть и непростым, но увлекательным.

Когда больше двадцати лет назад мои родители иммигрировали в Канаду, я, сопливая девчонка с польским именем Злата и русской фамилией Бероева, впервые пришла в младшую школу. И надо же – совпадение. Ровно в тот же день к нам с лекцией и ручной рысью приехала женщина-егерь из ближайшего заповедника.

Как она про лес рассказывала! А слайды! А настоящая почти дикая рысь, которая сидела на поводке у ног гостыи до конца урока! И нам всем позволили очень осторожно и бережно потрогать мягкие чутко шевелящиеся уши зверя! До сих пор помню это волшебное ощущение под пальцами.

Конечно, после этого урока почти все дети в классе на пару дней захотели стать егерями и учеными-натуралистами, но только я одна заболела этим всерьез и надолго.

– Хей, Голди! Опять замечталась? Ты смотри, на острове так спать с открытыми глазами нельзя! – Джексон добродушно ткнул меня в плечо, и я встрепенулась. Точно! Зубчатый край материкового леса таял в туманной дымке над проливом, а катер уже выруливал к ветхому

деревянному причалу на галечном пляже, над которым торчал шест с немного выцветшим и потрепанным канадским флагом.

– Выгружайся, детка. И зови своего ухажера, пусть приносит пользу, раз ему так нейдет произвести на тебя впечатление.

Я выпрямилась и посмотрела вдаль, туда, где над темно-зеленой кромкой путался в облаках Утес Мертвой Медведицы, и на мгновение даже забыла про Гринча. Моя мечта! Там, у подножия, должна быть заброшенная землянка, а выше по течению реки – старый-престарый прииск. И это всё мое! Всё можно исследовать, сфотографировать, описать в блоге, привязав к старым легендам! Как раз времени хватит до большого нереста, когда основная работа займет всё мое время.

Я выпрыгнула из катера на пошатнувшийся под ногами пирс и счастливо засмеялась. Скрип старых досок показался веселым хихиканьем, которым меня приветствует остров мечты.

– Берегись! – вдруг истошно заорал Джексон откуда-то сзади, и я дернулась, резко обернувшись. М-мать!!

Долбанутый в башку Гринч, явно задетый тем, что я не обращаю на него ни малейшего внимания, решил провернуть очередной кульбит чуть ли не у самого пирса, явно намереваясь окатить меня морской водой. Только вот не рассчитал, а может, просто не заметил прибрежного камня, коварно притаившегося под самой поверхностью сразу за линией прибоа.

Водный мотоцикл со всего маху налетел на это препятствие, его подбросило в небо, кувыркнуло, я еще успела заметить мелькнувшие в воздухе ноги чертова выпендрежника...

А вот сама никуда отскочить уже не успела. Неуправляемый мотоцикл врезался в старые доски, мгновенно смяв их, как бумагу, ровно в том месте, где я стояла.

Последнее, что я увидела, – это как окрашенное алой краской дно мотоцикла несется на меня, заслоня горизонт, а потом...

Потом всё.

Глава 2

Нестерпимо чесался нос, такое впечатление, что по нему кто-то ползал и кусал. Именно это ощущение выдернуло меня из небытия, оно было настолько сильным и отчетливым, что я сначала фыркнула, сдувая назойливое насекомое, потом попыталась достать нос рукой и только после этого открыла глаза.

И тут же закрыла их обратно.

Еще бы, испугаешься тут, когда прямо перед твоим лицом сгребает хвою и сухие травинки здоровенная медвежья лапа с во-от такенными когтями!

Я замерла, стараясь даже не дышать. Самое лучшее, что можно сделать в такой ситуации, – это притвориться мертвой. Тогда есть шанс, что медведь оставит тебя немного поразлагаться на солнышке, а сам пока пойдет займется другими делами. Медведи, они любят мясо с душиком...

Не знаю, сколько бы я еще так лежала, если бы не тот самый распроклятый муравей. Он опять нагло забрался прямо мне в ноздрю и принялся там расхаживать, как конь по бульвару.

Кончилось все тем, что я оглушительно чихнула и непроизвольно хлопнула-таки себя рукой по лицу... то есть лапой по морде. Той самой медвежьей лапой по самому натуральному медвежьему носу!!!

А-а-а-а-а-а-а!

Никто и никогда не слышал, как визжат медведи. И больше не услышит, потому что вряд ли я когда-нибудь смогу повторить этот трюк на бис. Но шишки с ближайшей ели посыпались очень впечатляюще.

И словно в ответ на этот странный звук где-то вдалеке раздался выстрел, потом вроде как крик, а потом... высоко-высоко на той самой елке, с которой сыпались шишки, заплакал медвежонок.

Сначала меня пробило морозом до самого нутра – любой житель севера Канады в курсе, что надо делать при встрече с медвежонком: со всех ног драпать от него в противоположную сторону. Потому что, если этот милый детеныш решит с вами поиграть, а потом вдруг обидится и пискнет, придет мама-медведица и сделает из вас ужин для себя и своего отпрыска.

И только через пару секунд, уже вскочив на... все четыре лапы и издав горлом странный призывный полурык-полустон, я поняла... упс. Очень похоже, что мама-медведица здесь я.

На секунду небо в верхушках елей и усыпанная опавшей хвоей земля поменялись местами, но я быстро встряхнула головой, и бешеное головокружение унялось как по волшебству. Паника и ужас от произошедшего никуда не делись, но именно они пробудили во мне инстинкты зверя, вытянули их на поверхность и временно заменили сознание. Может, и к лучшему... а то так и с ума можно сойти.

Это человек может ужасаться чему-то в прошлом или страдать по несбывшемуся. У зверя все просто. Страшно и непонятно? Надо спасать детеныша и бежать. Всё.

Медвежонок кубарем скатился с елки на первый же мой требовательный рык, был обнюхан, облизан и шлепком могучей лапы направлен в самые густые заросли, непроходимые на первый взгляд. Вот только зверь, в которого я превратилась, то ли чуял, то ли знал, что именно там пролегает знакомая звериная тропа, которая уведет нас в безопасное место.

Мох и еловые иголки мягко стелились под ноги, медвежонок торопливым колобком перекачивался в паре метров впереди меня, мы всё дальше уходили от места, где зверю было страшно и неудобно, и разум все яснее проступал сквозь инстинкты. Причем вместе получилась странная смесь, когда я могла осознать, что говорят мне все эти запахи и чувства медведицы, и проанализировать их человеческим разумом.

Что вообще со мной случилось? Кто я? Нет, кто я – помню. Злата Бероева, двадцать шесть лет, биолог, аспирантка и смотритель острова. Так? А почему тогда мое сознание в теле медведицы?

Стоило задуматься – и память как последние кадры замедленной съемки прокрутила перед глазами трюк Гринча и водный мотоцикл, несущийся прямо на меня. Я на секунду задохнулась от осознания. Это что... я умерла? И моя душа переселилась в... Но это же ерунда, чушь какая-то, этого не может быть! И что мне теперь делать?!

К счастью, инстинкты зверя не дали мне свалиться в новый колодец, вырытый паникой и неверием. Как-то так наши мозги сплывались в одно целое, что рассудительная и практичная медведица вполне уравнивала перепуганную и шокированную девчонку.

Я медведь. Я медведь?! Я медведь, твою мать!!! Почему?

Нипочему. Толку паниковать, все равно я не узнаю ответа на этот вопрос. И если задуматься, что лучше – лежать переломанной инвалидкой в госпитале, возможно с трубкой в горле, а потом, если повезет, всю жизнь передвигаться на коляске или топтать по лесу здоровой и, судя по ощущениям, молодой медведицей, то я, по зрелом размышлении, знаю, что бы я выбрала.

Значит, что? Топаем по звериной тропе и тщательно принимаемся.

Как только я приняла это решение и сосредоточилась на том, что чувствует мой нос, чуть не упала от резкого удара самых разных и очень ярких ощущений, вдруг нахлынувших на меня как горный водопад.

Кажется, до этого момента человеческий мозг, занятый паникой и мыслями, не давал медвежьему полностью проявить все, что заложила в него природа. Миллионы запахов, звуков слились в один неразборчивый поток, а затем сами собой разбились отдельными ручейками, снабжая меня информацией об окружающем мире.

Это было так... захватывающе! Знать, что справа за деревьями, метрах в тридцати, невидимая олениха чутко повернула уши в нашу сторону и замерла. А вон там, слева и впереди, деловито копается под корнями старой сосны упитанный барсук. А позади...

М-да. Немного увлеклась.

В уютной пещерке, вырытой прямо в глинистом склоне под береговой кручей, было сухо и как-то очень... спокойно. Медвежонок кубарем скатился туда с небольшого уклона и завозил в дальнем углу, а потом вывалился обратно, прямо мне под ноги, то есть под лапы. Я инстинктивно ткнулась в него носом и шумно втянула воздух.

Э... не поняла. А почему этот звереныш пахнет... мной? Причем не мной-медведицей, а мной-человеком?!

Я еще раз тщательно приняхалась, плюхнулась на хвост и помотала головой. Ничего не поняла. Такое впечатление... что... э-э-э-э-э... что это мой ребенок. В смысле – мой человеческий ребенок, которого я родила и выкормила, когда человеком была!

Нет, ну я же еще в своем уме. Правда же? Я точно помню, что детей не рожала. И вообще это дурдом – как может медвежонок быть моим... тьфу. Нет. Это сейчас слишком сложный вопрос для моего медвежьего разума, того и гляди, его окончательно переклинит, и я спячу.

Мелкий, точнее, мелкая тем временем приютилась мне куда-то в район пуза и там затихла. Спит, что ли? Ну точно. Хорошо быть детенышем, причем независимо от видовой принадлежности. Как бы ни было страшно и ужасно полчаса назад, вот есть мама, вот есть дом, все хорошо, значит, забываем бяку и радостно живем дальше.

А мне что делать?

Обдумать этот вопрос я не успела, потому что прикорнувший между лап лохматый шарик вдруг опять вскинулся и тревожно запищал, рванув из пещеры наружу. Я и сама подскочила так, словно меня за хвост укусили. Это еще что за звук там, левее откоса, за тремя соснами?!

Глава 3

Стон? Или мне показалось?

Нет, точно, это стонет человек. Почему тогда мой медвежонок рванул на этот звук так, что толстые пятки засверкали? Вроде не похож он еще на хищника, который стремится дожрать добычу, пока теплая. Не дорос еще.

Я бы, если честно, поостереглась соваться к источнику стонов, слишком странно это все. Но выхода не осталось, нужно было топать вслед за ускокавшим дитем.

Бурча тихонько себе под нос что-то медвежье-неодобрительное, я выбралась на глинистый склон и раздвинула лапой заросли. Попутно старалась приняхаться и прислушаться – что вообще в округе происходит? По-хорошему надо было стоять на месте и сканировать окрестности, но толстый бурый задок уже скрылся за очередной сосной, и времени на вдумчивые исследования не осталось.

Вместе с медвежьим обликом ко мне пришло умение двигаться тем особым способом, когда ты вроде неуклюжий косолапый колобок, который никуда не торопится и вообще даст фору любому ленивцу, но при этом расстояние до цели куда-то девается словно само собой, не успеешь и глазом моргнуть.

Вот я вроде осторожничала и точно никуда не торопилась, а источник стонов вдруг оказался буквально в метре от меня. В самых густых зарослях. Ну, закон подлости никто не отменял.

Дите совсем по-человечески всхлипывало и скулило, вошкаясь среди листьев, но не было испугано, и вообще опасностью оттуда не веяло. Там просто лежал кто-то раненый, потому что я отчетливо чувствовала запах крови.

Тяжело вздохнув и покачав головой, я сделала несколько шагов и носом отстранила мешающие ветки деревьев.

И чуть не грохнулась в обморок, как перетянутая корсетом институтка.

На ковре из пропитавшейся алым хвоей лежал чертов Гринч с расшибленной башкой. В полной отключке.

И мой медвежонок, тихо плача, вылизывал его лицо.

Я села. Закрыла глаза.

Не помогло. Дурацкий Гринч пах на весь лес, и если еще секунду назад я не узнавала этот запах, то теперь...

А-а-а-а! Блин! Фейспалм медвежьей лапой делать неудобно – там когти, и этими когтями я сама себе врезала по носу, рывкнула от неожиданности и чуть не кувыркнулась в кусты.

Так, Златка, спокойно. Думай! Но почему этот белобрысый везунчик остался в своем теле, а ты тут мнешь мохнатой попой сосновые иголки, а?! Несправедливо!

С другой стороны... какая, к лосям, теперь разница?

Я осторожно прихватила детеныша за холку зубами, приподняла и переставила в сто-
ронку, тихо рыкнув, чтоб не лез под лапы. И принялась подробно изучать «находку».

Это точно Гринч, даже одет в его собственной любимой манере – в костюме первопро-
ходца и золотодобытчика середины девятнадцатого века. Чего уж ему так полюбились эти ста-
ромодные рубашки и штаны из парусины на подтяжках, фиг его знает. Но он старался соблю-
дать «дресс-код» даже в мелочах, вешая на ремень вполне аутентичные ножны со специальным
ножом тех времен. Ну и куча других прикамбасов тоже при нем...

Хотя странно. Точно помню, что, когда сегодня утром этот белобрысый наездник подка-
тил к катеру, рубашка на нем была ярко-красная в шотландскую клетку. А теперь синяя и без
узора и сшита... словно руками. Хм.

Тут мне в ноздри ударил новый запах, и зверь во мне аж отпрянул с рыком. А через
секунду человеческая память его опознала – так пахнет сгоревший порох.

Стоп. У него что, не только голова разбита, но еще и огнестрельное ранение?! Откуда?!

Вообще ничего не понимаю.

– Р-р-рмы-ы-ы-ы! – жалобно сказала моя медвежонка и попыталась пролезть у меня
между лапами, чтобы снова вылизать Гринчу лицо. Пришлось строго рыкнуть и прихватить за
холку, но добилась я только жалобного писка и упрямого брыкания четырех толстеньких лап.

Уф-ф-ф...

Радует одно: Гринч все же живой. Те раны от огнестрельного оружия, которые я на нем
вынюхала, – несерьезные. Рука выше локтя и по ребрам вскользь. А вот головой он приложился
крепко.

Хотя... несерьезно смотрятся такие ранения в городе или хотя бы поселке, где есть док-
тор и средства первой помощи. А в лесу, когда под рукой вместо стерильных пакетов и прочего
обеззараживающего хозяйства только медвежья слюна... м-да.

Потом, вспоминая случившееся, я была довольна собой. Стресс, шок, непонятки, а у
меня даже мысли не возникло бросить неожиданную проблему там, где лежит, и оправдать
себя тем, что я все равно ничего не могу сделать.

Во-первых, могу. А во-вторых... нельзя бросать людей без помощи. Никаких. Никогда.

Что у него с головой, мне было не определить. Может, просто сотрясение, а может, дело
дошло до внутреннего кровоизлияния или вообще повреждений мозга. Но на первый взгляд
череп все же не проломлен, только здорово ушиблен и кожа содрана. Отсюда и крови столько
– ранения головы всегда очень обильно кровоточат, сосудов много под кожей.

Остальные повреждения... так. Рубашку бы с него снять. А как?! Медвежьими лапами
это затруднительно.

– Мы-ы-ы-ы-ы?! – вопросительно прогудела моя медвежонка, когда я аккуратно, чтобы
не слишком трясти его башкой, приподняла тело зубами за кожаную перевязь поперек груди
и понесла в сторону реки.

Я промолчала, только строго зыркнула на детеныша. Как бы так остороженько... и вот с этого бока сосну обогнуть... так, на спуске надо проследить, чтобы он сапогами ни за что не зацепился... ага.

Слава лосиным богам, тут очень удобная отмель на изгибе реки. Мелкая галька, прозрачная водичка. Если уложить свою ношу у самой кромки, можно будет аккуратно по одной откусить с его рубашки все пуговицы. И выплюнуть их в специально вырытую ямку. Очнется – пришьет. Если очнется...

Стаскиваем с тела рубашку... а-а-а-а, черт, лапами и зубами – страсть неудобно. Еще ведь надо не порвать и этого мускулистого паразита не поцарапать. Уф-ф, теперь в воду его, голову придерживать, чтобы не захлебнулся, а раны пусть промоет, я еще и языком помогу. Кстати, медвежья слюна – довольно мощный антисептик, как и собачья.

Сначала, оказавшись в ледяной воде, Гринч никак не отреагировал. Ну спустя примерно секунд тридцать острые ощущения таки достучались до его ушибленного мозга, и он слабо завохкался у меня в лапах, застонал и попытался отпихнуть.

И все это не открывая глаз и под тихий жалобный бубнеж моей медвежонки с берега. Эту заботливую козявку пришлось еще отпугнуть рыком, чтобы под лапы не лезла и не мешала.

Я тщательно прополоскала свое несчастье в воде, проследила, как перестает сочиться из суженных от холода капилляров кровь, и с чувством выполненного долга выволокла добычу на бережок.

Ну что? На всякий случай еще раз вылизать или так сойдет? О! Где-то по пути этот наездник полудохлый цеплялся сапогами за знакомые пучки полезной травы. Сейчас мы их... ага.

Нет, в медвежьем облике есть и свои плюсы. В частности – очень густая и липкая слюна, с помощью которой листочки подорожника отлично приклеились к ранам.

Уф-ф-ф-ф-ф, ну, самые первые меры по спасению дурного Гринча предприняты. А дальше что?

Глава 4

Лежа на спине в своей сухой глинистой пещерке, я всем телом грела недобитого Гринча, уложив его себе на живот и обняв лапами. Дурацкая поза... а куда деваться. Еще и медвежонку, периодически пытающуюся вскарабкаться туда же и прикорнуть рядом с раненым, приходилось отпихивать. М-де...

Нет, я всегда мишками интересовалась, не говоря уже об остальной живой природе. Но никогда не думала, что, забравшись в шкуру косолапого, не только почувствую, как устроена его жизнь изнутри, но еще и буду думать, которым боком ее поудобнее развернуть, чтобы приспособить к человеческим нуждам.

Чувствуя, что начинаю засыпать, я отпустила контроль над мыслями, и перед глазами начала прокручиваться яркая и манящая кинолента прошлой жизни. Почему-то ни боли, ни сожаления я не чувствовала, один только интерес, словно смотрю на свою жизнь заново, незнакомыми глазами.

Школа, уроки, одноклассники... мечты о будущей работе с природой... мама и папа...

Родители были не в восторге от того, каким будущим я загорелась, но и не отговаривали – с ними мне повезло. Они смирились с легким помешательством дочери на теме дикой природы, способах выживания, индейских легендах и многодневных походах в районы крайнего севера. А я... я поняла раз и навсегда, что гораздо счастливее среди вековых елей и росамах, на обрывистом берегу ледяного горного ручья, в котором больше века назад первопроходцы мыли золото, чем в самом дорогом ночном клубе или шикарном отеле Майами у голубого бассейна с коктейлем в руках.

Ну бывает, чего. Я ж не запрещаю другим ни коктейлей, ни бассейнов. Главное, чтобы меня не заставляли всем этим заниматься, а отпустили с богом в индейский лагерь, где старая Джа учит таких же «страннынских» девчонок и мальчишек, как правильно сложить костер в зимнюю стужу, чтобы он горел до утра, а ты не примерз к валежнику насмерть.

На биофак я поступила по гранту, потому что таких долбанутих в голову энтузиастов еще было поискать.

Конкурс экологических проектов? Я!

Летняя практика на побережье с вдумчивым изучением помета скального нырка? Я!!

Снять документальный фильм про барибалов острова Вайкувер? Я!!!

И фигня-война, что это был конкурс для старшеклассников и вообще взрослых, что маленькую русскую никто не подпустит к живому потапычу на пушечный выстрел.

Мы стырим лодку у спасателей, поплывем с камерой через пролив, утопим весла в прибое, кувыркнем из лодки к хренам медвежачьим всё походное снаряжение в воду, исключая только ту самую камеру...

И три дня весь округ будет иметь головняки по поводу пропавшего ребенка, спасатели и добровольцы будут прочесывать леса и моря, родители поседеют, учителя полысеют... пока не найдут оставленное мною письмо. Ну кто виноват, что форточка была открыта и сквозняком его сдуло в щель между столом и комодом?

М-да... ну десять лет мне было. Зато я сняла, как медведь-пестун ловит лосося в ручье! И несет его медвежонку помладше, а когда тот пытается влезть в воду там, где глубоко, и орет с перепугу, приходит мама-медведица и дает обоим понять, как они не правы. С высокой елки, на которую я, как умная девочка, влезла с перепугу, это очень здорово было видно и офигенно вошло в кадр.

Во-от... я получила первое место на всеканадском конкурсе документальных фильмов о природе, причем соревновалась не с такими же детьми, а со студентами!

Ага, и по заднице получила так, что неделю присаживалась только после вдумчивой примерки. Первый и последний раз папа настолько вышел из себя... ну, без обид. Заслужила.

Эх... память... всё, что мне осталось?

Ну нетушки. Я жива, недобиток тоже вроде помирать передумал, пригрелся у меня на животе. Еще и незапланированное потомство под боком сопит. Предаваться унынию некогда. Лучше... поспать. А потом найти что-нибудь поесть.

Медленно уплывая в крепкий сон, я крутила перед мысленным взором кусочки из своей жизни и лениво размышляла, как прежний опыт применить в нынешнем мохнатом положении. Если бы я была одна... ну, на крайний случай, с медвежонкой – вопросов таких срочных не было бы. Медведь в лесу с голоду не умрет, а умный медведь не умрет вообще ни от чего.

Но у меня тут Гринч на нежной женской груди, покрытой мехом. Надеюсь, поправится. И не простудится – всё же я его аккуратно купала, верхнюю голую часть мужчины полоскала в воде, а нижнюю, одетую в штаны, старалась не намочить, пристроив на берегу... а теперь вот грею.

Сон смежил веки, и я уплыла в него, тихо покачиваясь, как на лодке.

Пробуждение вышло «веселое» и энергичное. Драгоценный недобиток, судя по всему, выспался и решил-таки прийти в себя. А может, это медвежонка виновата, которая выспалась первая и принялась карабкаться на меня, как отважный альпинист на высокий Эверест.

Вскарабкалась и по недавно усвоенной привычке начала вылизывать мор... в смысле, лицо Гринча. То ли ему уже просто пора было очнуться, то ли влажный и шершавый язык мелкой подействовал наконец, но белобрысый выпендрожник открыл глаза.

К чести его надо отметить, что он не заорал. Только захрипел чего-то тихонько. Ну... они так энергично с детенкой вошкались на моем объемном пузе, что я тоже проснулась и именно в этот момент сладко зевнула.

Я понимаю, понимаю, отчего он опять потерял сознание. Раненый, ушибленный, только веки расклеил – на тебе, прямо перед носом алая звериная пасть с вот такенными зубами.

Но всё равно... как-то немного обидно.

Бережно стряхнув вновь бесчувственное тело на сухой глинистый пол, я внимательно обнюхала его голову – ну... сырыми мозгами не пахнет. Рана покрылась коркой, кровь больше не идет. Раз уже один раз вынырнул из обморока – значит, и второй раз придет в себя. Надо его перевернуть на спину и обследовать другие ранения, а то он с меня скатился не слишком удачно – попой вверх, носом в пол, и...

Э... э-э-э-э-э...

Сейчас, когда он лежал в такой позе, я вдруг заметила нечто, чего не видела раньше, пока таскала бесчувственное тело и даже раздевала-купала. Занята была, не обратила внимания.

На гладкой мускулистой спине, прямо между лопаток, красовалась татуировка. Здоровенная медвежья оскаленная морда, прямо как моя – я ее в отражении речном видела. Эта морда, значит, оскалилась, а от нее вниз, вдоль позвоночника, шли какие-то письмена, скрываясь под поясом брюк.

На мгновение мне захотелось оттянуть на Гринче штаны и заглянуть туда... на задницу его. Вдруг там разгадка, что означают эти смутно знакомые закорючки?

А потом меня догнало мыслью и я застыла.

Вчера в кампусе была прощальная вечеринка. Пенная. И я точно видела, что на выплясывавшем в кругу университетских красоток блондине никаких татуировок не было!

Это... это...

Глава 5

Так. Может, между ударом водным мотоциклом по голове и вселением в медведицу прошло гораздо больше времени, чем я думала?

Вряд ли. Время года то же самое, конец мая – начало июня, это я и мишкиной частью чужая, и человеческой головой осознавала. Не мог же целый год пройти!

И потом, странное совпадение – если все же прошел год, то как Гринч с новой татуировкой оказался в том же самом месте, где я возродилась в медведице?

Хотя о чем я думаю... То, что я в этой самой мохнорылой громиле очутилась, меня уже не удивляет, что ли?

Все странно. Все очень странно.

Лучше всего привести недобитка в чувство и спросить у него... э... Да, сначала придется научиться разговаривать медвежьей пастью. Вот что за жизнь, а?

Осторожно перевернув Гринча на спину, я еще раз внимательно всмотрелась в его лицо. Ну вот же родинка его над губой, я еще все время вспоминала старый фильм из детства, про мальчишку-гардемарина и «мушку» под названием «роковая тайна». Значит, все же он? Откуда тогда тату? Уф-ф-ф.

Примерилась и тоже лизнула загадочного всего такого, совсем как суеязящая рядом мелкая. Только моим языком получилось сразу всю физиономию ему умыть.

Гринч хрюкнул, икнул и открыл глаза.

Я очень хотела сказать ему, чтобы не смел обратно в обморок, но, во-первых, не умела, а во-вторых, не успела. Потому что моя медвежонка радостно подпрыгнула и с воплем «Папа!» ринулась обнимать недобитка за шею... человеческими ручонками.

Вот теперь мне и самой срочно захотелось ненадолго в беспмятство. Полежать, отдохнуть от странностей и прочих... приключений. Но я только грузно осела на хвост и уставилась на обнимающихся людей как баран на новые ворота.

Мама дорогая! Что это было? Я своими глазами видела, как в одно мгновение силуэт моей медвежонки задрожал, поплыл, сделался прозрачным, и изнутри него выпрыгнул человеческий ребенок! Это как? Это... этого не может быть, потому что не может быть никогда?

«Угу, – сказал внутренний голос. – Именно поэтому ты теперь медведица, тебя ничего не напрягает, нет? Или вот тут у тебя бывает, а вот тут – фигу, законы физики включаются?»

Тьфу!

Только раздвоения личности мне теперь не хватало. А ну ша!

Уф-ф-ф...

Но вообще-то... вообще-то... если она превратилась... может, и я могу?! Обратно в чело- века?

Пока я проморгалась от этих мыслей и подобрала челюсть, в пещере произошли изме- нения. Очнувшийся Гринч тоже успел протереть глаза, закинуть пискнувшего ребенка себе за спину, выкопать откуда-то из плотно утоптанного глинистого пола осколок камня и теперь злобно сверкал на меня глазами, зажав его в кулаке.

Ни фигу себе «спасибо» за все мои старания! Кинется и покусает, псих, на голову стук- нутый.

Я от обиды даже отвернулась от него и нос сморщила. А этот дурак только еще больше напрягся и на меня зарычал. Утробным таким рыком, каким злые мужики бешенство изобра- жают, прежде чем наброситься с кулаками.

Блин! Я, конечно, его один раз лапой приложу, и он обратно в беспамятство сковырнется, берсерк недобитый, но это что выйдет, я зря его полоскала-таскала-лечила-откачивала?!

Напряжение в пещере можно было резать ножом, воздух уплотнился и дрожал как стек- лянный.

– Папа, не трогай маму! – пронзительный детский вопль разбил это напряжение в осколки. Мелкая из-за Гринчевой спины выскользнула ловко и стремительно, как хореk из пластикового контейнера с кормом. Мы оба и моргнуть не успели, а шустрая мелкота – лет пять ей на вид было – проскакала несколько шагов до меня и впечаталась мне в пузо всем телом, обняв обеими руками за мех и мокро всхлипнув куда-то в грудь.

Я оторопела, Гринч тоже замер. А ребенка еще раз всхлипнула, упрямо мотнула головой и, не отпуская меня, обернулась к мужчине:

– Папа! Не трогай маму! Она же твоя жена, ты ее защищать должен! Ты сам так учил!

Вот тут меня накрыло окончательно. Да бли-и-ин! Мало того, что я медведь. Мало того, что Гринч не тот. Мало того, что у меня, оказывается, есть дочь – то ли мишка, то ли человек. Так я еще и замужем за этим идиотом!!!

– Голди? – хриплым шепотом переспросил Гринч, грузно осел на глинистый пол, выро- нил свой каменный огрызок и закрыл лицо руками.

А я недовольно взрыкнула, потому что опять, черт возьми, ничего не поняла. Если это не мой Гринч, то откуда он знает, как меня зовут?!

А, ну да, мы же женаты. Типа. Но бли-и-ин! Меня вообще-то зовут Злата, Голди – это прозвище, из-за цвета волос и еще из-за того, что одноклассники язык сломали, коверкая мое родное имя.

Так меня называли в школе и потом в колледже, но!

Только чужие. То есть одноклассники, однокурсники, коллеги – те, с кем я всего лишь приятельствовала или была поверхностно знакома. А все, кто по-настоящему был мне близок, прекрасно научились произносить мое русское имя!

И как я умудрилась родить дочь от татуированного придурка, который зовет жену школь- ной кличкой даже в самой стрессовой ситуации?

– Голди, но... Золотинка... как же... – продолжал бормотать Гринч.

Меня это почему-то вывело из себя, и я открыла пасть, чтобы сердито рявкнуть на него. Но в последний момент сдержалась, потому что прильнувший ко мне ребенок дернулся и всхлипнул, словно почувствовав мою злость.

Нет, так не пойдет. Как бы я ни хотела пристукнуть одного белобрысого придурка, как бы ни обижалась на судьбу – маленькая девочка не виновата в моих проблемах. Ее нельзя пугать и отталкивать.

Поэтому я только мягко отстранила ребенка лапой, ласково дунула ей в лицо и лизнула в мокрую щеку, а потом встала и выбралась из пещеры на вольный воздух.

Мне не хотелось оставаться рядом с этим непонятным и странным Гринчем, он меня и раньше-то раздражал до чертиков, а теперь и вовсе смотреть на него стало противно. Нужно было отдышаться, проветрить голову и спокойно подумать.

– Голди! Золотинка! – несло мне вслед, но я только прибавила шагу, быстро растворяясь в сумерках, сгустившихся между ровных сосновых стволов. Далеко я уходить не собиралась. Пока не собиралась... но всего случившегося со мной сегодня было слишком много для меня. Если я сейчас начну действовать наобум, в запале и на эмоциях, – наделаю непоправимых глупостей.

Вот еще бы кто объяснил этому упертому недобитку, что бежать за мной следом с воплями не надо! Р-р-р-р!

Глава 6

Если бы не малышка, мысли о которой все время крутились где-то на заднем плане, я бы, скорее всего, просто ушла в лес с концами. И кто знает, возможно, в своем смятении, от неизвестности и непонятности происходящего, позволила бы медвежьей части взять верх над человеческой.

Да, это могло случиться – я стала бы просто зверем, молодой медведицей без малейшего проблеска прежней памяти человека. И просто прожила бы обычную медвежью жизнь.

Но тревога за малышку, которую теперь не защищает даже толстая и довольно надежная медвежья шкурка, не давала полностью погрузиться в мир звуков и запахов, доступных зверю. Даже то, что рядом с ребенком остался Гринч, не утешало, вовсе даже наоборот. Этот недобиток не внушал никакого доверия в деле заботы о потомстве. О нем о самом бы кто позаботился.

Если бы не они... мне бы, наверное, было даже интереснее побыть медведицей, чем человеком. Не зря же я все детство ими бредила. Не зря рвалась на остров с самой большой изолированной популяцией барибалов на западном побережье.

А кстати... Я резко остановилась, села на хвост и стала разглядывать собственное пузо. Потом хлопнула себя лапой по лбу – у мелкой-то белый треугольник на груди точно был. Значит, я барибал. И я точно на острове.

Что из этого следует?

Ну-у-у... теоретически, учитывая, что сейчас начало лета... меня ждет райская жизнь в процессе наедания толстой попы для комфортной зимовки. И, возможно, свидание с каким-нибудь brutальным гигантом-медведем, от которого я забеременею новым медвежонком, раз прежний все равно оказался человечкой.

Э-э-э-э... м-да.

Чего-то я увлеклась. Размножаться в мои ближайшие планы точно не входит. И вообще, чем дальше я уйду от пещеры, тем беспокойнее мне становится: эти два человека – один маленький, другой раненый, – как они там без меня? А вдруг их найдет тот самый brutальный самец, о котором я только что подумала? А вдруг не такой brutальный, но тоже злой и голодный? Или волки? Или...

А-а-а-а-а!

Вот как тут подумаешь в тишине, наслаждаясь медвежьей неприхотливостью? Надо разворачиваться и топать обратно. Криков Гринча давно не слышно, есть надежда, что ему хва-

тило мозгов не убегать далеко от пещеры и от ребенка. Значит, можно незаметно подобраться, устроиться поблизости и одновременно осуществить две вещи: спокойно думать и охранять эти два недоразумения.

Кстати, почему Гринч так легко поверил дочери? Ну, в смысле, вот вы очнулись после крепкого удара по голове, и тут ваш ребенок, перепуганный, полуголый и грязный, как чертенок, кидается к сидящей с вами в одной пещере горе меха и заявляет: «Папа, это мама, как ты мог ее не узнать?»

Почему он сразу поверил? Он ведь не видел, как мелкая была медвежонком, – она перекинулась ровно в ту секунду, когда он глаза открыл, но взгляд еще не сфокусировал, и девчонка на него налетела уже человеческая.

Все эти мысли крутились в голове как бы фоном, потому что путешествие сквозь живой лес было само по себе захватывающим, волшебным, и... мне почему-то казалось, что так уже когда-то было. Было, было! Еще до того, как я ослепла и оглохла, потеряв нюх и урезав все органы чувств до человеческих. Что это? Медвежья память? Или моя?

А, потом разберусь. Сейчас можно просто идти сквозь объемный и такой понятный мир и тихо радоваться...

Угу, вот ровно до пещерки радоваться.

Я обошла это место по кругу, неслышно ступая по мягкому лесному ковру, и прилегла на холме, над самым входом. Положила морду на лапы и прикрыла глаза. Что там, внутри? Нос говорит, что оба недоразумения на месте, живы, шевелятся и общаются. Вот и хорошо, послушаем, может, чего нового о себе узнаем?

– Кристи, подожди, не скачи... Черт, голова раскалывается, – голос Гринча звучал немного невнятно и очень устало. Я на секунду переполнилась сочувствием – по башке ему прилетело знатно, наверняка сотрясение мозга хватанул. Ему лежать надо, а не за медведями по лесу гоняться.

– Кристи... ну не плачь, детка. Слава богу, этот зверь нас не разорвал, просто ушел.

– Папа! Это...

– Маленький... ну не плачь. Я понимаю, ты испугалась и от испуга... я и сам не до конца понимал, что делаю, когда невольно подыграл. У меня в голове все помутилось, я даже на секунду поверил, что Голди... ох, – он болезненно застонал, заглушая тихие всхлипывания малышки.

Я села и почесала затылок. Та-ак. То есть он малость опомнился и решил, что ему все почудилось?

– Папа, но бабушка Бера же говорила!

– Крис, бабуля просто рассказывала сказки. Ты уже большая девочка, должна понимать: люди не умеют превращаться в зверей, а прашур – это такая легенда из давних веков. Красивая, но только легенда. Наша мама... – тут я услышала, как Гринч мучительно переглотнул, потом откашлялся – у него словно голос пропал от сдерживаемого горя. – Наша мама... она уже не здесь, и...

– Папа же! Ты не понимаешь! Я ведь тоже... я была!

– Ты умничка, ты убежала и спряталась, ты маленькая, и поэтому зверь на тебя не напал, – Гринч говорил таким тоном, словно старался убедить не только дочь, но и себя самого. – Завтра, когда рассветет... мы пойдем и найдем ма... – тут он запнулся, и я поняла, что хотел сказать и не сказал мужчина.

«Мамино тело».

То есть Гринч был уверен, что я... то есть его жена, умерла. Он видел этот момент? Или что? Или...

– Найдем помощь, – твердо поправился «муж». – И все будет хорошо. Мы вернемся в Славскую империю, к бабушке и дедушке.

– Да папа же! Послушай меня!

Э, нет, детка. Не услышит он тебя. Во-первых, если мужчина что-то вбил себе в голову, лося лысого ты его переубедишь. А во-вторых, этому еще и натурально голову пробили, она у него наверняка зверски болит, и общее самочувствие паршивое. Соображает он с трудом, а потому цепляется за «логичное и рациональное» с особенной силой.

Я сама бы так поступила, будь я на него месте.

А на своем месте я...

Твою мать! Дура я на своем месте, если до меня только теперь дошло, что двое в пещере разговаривали по-русски! На чистом, чистейшем русском языке, которого настоящий Гринч никогда не знал и не смог бы до такой степени выучить при всем желании за то время, что прошло с несчастного случая.

И что это еще за Славская империя?!

Глава 7

У меня голова кругом пошла. Это не мой мир! Это не мой Гринч и... не мой ребенок? Но она пахла мной! Именно моим, я откуда-то до глубины души уверена, что именно такой запах должен быть у моих родных детей.

Лысые лоси... как все запуталось.

Я прикрыла глаза, чутко шевеля ушами: мало ли еще чего интересного скажут там, в пещере. Но на самом деле больше всего хотела, чтобы они уже утомились со своими ненормальными новостями и поспали, что ли. Иначе у меня мозг лопнет.

Словно уловив мое горячее желание, двое людей там, под слоем земли и переплетенных древесных корней, еще какое-то время возились и дышали, а потом я поняла, что слышу, как первым отрубился Гринч, а у него на груди прикорнула ребенка. Я так ясно это увидела мысленным взором, что на секунду даже испугалась, помотала головой и открыла глаза.

Несколько секунд глядела в темноту между соснами и елками, потом вздохнула и снова положила морду на лапы.

Ночь мягкой поступью пришла на остров, разбудив тех, кто отсыпался днем, и всё вокруг наполнилось их суетливой жизнью. Я лежала, слушала, старалась ни о чем не думать и только краем сознания удовлетворенно констатировала, что моего запаха и дыхания достаточно, чтобы ко мне и моим людям, там, в пещерке, никто не сунулся.

Поесть бы... от всех треволнений у меня разыгрался зверский аппетит. Но я боялась уйти на поиски добычи теперь, когда недобитый Гринч спит, а ребенку больше не защищает густая медвежья шерсть. Потерплю. Лучше отдохнуть и завтра, свежими мозгами и с новыми силами, обдумать, во что же я вляпалась.

Сама не заметила, как задремала.

И вот тут началось... Что это было? Сон? Или чья-то еще память, не медвежья и не моя? Или все же моя? Но...

– Не беспокойся, я тебе все покажу, – сказал вдруг кто-то совсем рядом. Я резко обернулась и уставилась на свое собственное отражение. Во всяком случае, мне именно так показалось – будто в утреннем лесу между двумя соснами кто-то поставил зеркало без рамы и я в нем отразилась.

Только через пару секунд до меня дошло, что в отражении я, да не совсем. Такого платья на шнуровке, с орнаментом одного из местных племен, у меня никогда не было. Да и племя это, если верить историкам, вымерло еще в позапрошлом веке...

А еще у отражения были другие глаза – печальные, усталые и словно погасшие. А медно-золотые кудряшки, с которыми я вечно не могла сладить, были сбиты набок, чуть ли не в колтун, и перепачканы... кровью, что ли?! Мама!

Я машинально схватила за собственную голову, а потом осмотрела себя: нет, всё в порядке – джинсы, рубашка, прическа. Это не отражение! Это просто другая... я.

– Не бойся, – серьезно и печально кивнула мне незнакомка с моим лицом. – Я просто хочу рассказать тебе, что происходит и как все случилось. Будешь слушать и смотреть?

Я судорожно вздохнула и решилась:

– Да. Буду.

– Тогда дай мне руку. Вот так. Смотри!

Утреннее небо в резной рамке причудливо изогнутых веток завертелось и исчезло, а я, как в теплую воду, погрузилась в чужие воспоминания.

– Я сам устрою свою и твою жизнь, Золотинка, у родителей и так много хлопот... Ничего не бойся, я купил хороший участок, это на острове. У нас достаточно денег, чтобы купить оборудование и материалы для строительства дома, все устроится!

Совсем молоденькая девчонка с чуть раскосыми глазами и огненно-рыжими локонами, смуглая и улыбчивая, смотрит на своего мужа светящимися от счастья и доверия глазами. Сирота-полукровка, которую когда-то зимой подобрали в лесу индейцы, неожиданно получила самый главный приз в жизни – она любит и любима, ее мужчина, пришедший из-за моря, сильный, умный и уверенный в себе. А что волосы у него почти белые и глаза голубые... непривычно и, на ее взгляд, не слишком красиво – ну так и она не первая красotka в племени, со своими ненормально-рыжими непослушными кудряшками и слишком светлой кожей. Настоящая скво должна иметь тяжелые черные косы, яркие, блестящие черные глаза и крепкое тело, пригодное и к охоте, и к длинным переходам, и к рождению детей. Тощие рыжие пигалицы парням не нравятся...

– Опять глупости думаешь, Золотинка? Про то, что таких, как ты, мужчины не любят? – засмеялся муж, подхватил девчонку на руки и закружил под аккомпанемент собственного хохота и ее счастливого визга.

Сильный... добрый... любимый.

– Мы построим дом на вершине холма, и от нашего крыльца между соснами будет видно море. – Айвен поставил жену на землю и ласково погладил ее чуть округлившийся животик. – Наш малыш будет играть под окнами под крики чаек...

Не все вышло так, как рассчитывал и обещал белый муж. Но все равно хорошо. Айвен приехал на западное побережье работать в фактории по контракту, и ему неплохо платили в местной закупочной компании. Золотинка, или Голди на местном, бриттском (так здесь называли английский), наречии, быстро привыкла к новому имени. И считала, что ей грех жаловаться. Даже когда через пять лет брака Айвену вдруг захотелось освободиться от скучной участи клерка и попробовать свои силы в деле золотоискательства, она только во всем поддерживала мужа – а как иначе?

Айвен горел предвкушением, он купил один из участков на золотоносном острове, и «знающие люди» заверили его, что счастье непременно улыбнется, надо только упорно трудиться и быть внимательным.

Муж теперь подолгу отсутствовал, работая на своем участке на далеком острове за проливом, но и ее не забывал. Пристроил в поселке при фактории, оплачивал жилье, а потом и маленький домик, где они с Кристиной неплохо жили и ждали папу. Любил, баловал незатейливыми гостинцами, обещал, что скоро, вот-вот уже, все наладится и они снова будут жить вместе...

Однажды на большом корабле в затерянную на севере факторию приплыло еще двое белых людей – мужчина и женщина. Золотинка как раз купала Кристину, когда в дверь маленького домика на краю поселка постучали.

– Здесь живет Иван Агренов? – по-бриттски спросила красивая статная блондинка в годах, когда Золотинка, торопливо вытерев дочь и завернув ее в добытое мужем меховое одеяло, открыла дверь.

Она как-то сразу поняла, кто эта женщина. Наверное, потому, что Айвен был похож сразу и на нее, и на высокого и такого же светловолосого мужчину, улыбнувшегося знакомой улыбкой из-за плеча своей жены.

Родители мужа.

Робость робостью, неожиданность неожиданностью, но Золотинка всегда считала себя очень хорошо воспитанной скво. Ерунда, что разные белые сороки в фактории смеялись над ней и называли ее манеры дикарскими, сама она твердо знала: так, как ее научили в племени, и есть правильно.

– Здравствуй, мама моего мужа, – Золотинка улыбнулась женщине, старательно произнося эти слова на родном языке Айвена – она вообще быстро схватывала такие вещи, знала наречия всех племен в округе, и славское не стало исключением. – Добро пожаловать в мой дом, отец моего мужа. Проходите!

Мужчина и женщина переглянулись, и девушке показалось, что в их глазах вместе с удивлением мелькнуло еще что-то – словно они не ожидали, что это удивление будет... приятным.

Они вошли, огляделись и явно хотели еще что-то спросить, но тут Кристине надоело лежать молча, и она громко запищала, пытаясь выкарабкаться из мехового кокона.

Глава 8

Поток исторически-познавательных картинок вдруг был прерван каким-то звуком извне, я дернула ушами и в следующую минуту вскочила на лапы, развернувшись в сторону угрозы. Низкий утробный рык сам вырвался из горла. Ответный рев заставил затрепетать листья на деревьях и осыпаться подсохшие иголки с ближайшей ели. Медведь! Чужой! Самец! Ах ты...

Я чуть присела в напряженном ожидании, но тут у меня под ногами, там, в глинистой пещерке, завозились, и вдруг испуганно вскрикнул ребенок. И у меня мгновенно прошел не только страх, но и вообще всё на свете. В том числе и мозги.

Злобно зарывав, я сама бросилась туда, где в предутренних сумерках ломал тонкие стволы подростка огромный черный самец. Он был угрозой для моего потомства, и могучий древний зов выключил к чертям собачьим не только человеческий интеллект, но и инстинкт самосохранения.

Яростно вопя что-то по-медвежьи матерное, я со всей дури врезала незваному пришельцу когтистой лапой по морде и ощерилась, стараясь достать зубами до горла. Дурацкий самец был крупнее меня, причем значительно, но мне было все равно. Мой детеныш! Не дам! Пошел вон, скотина косолапая!

Возмущенный таким поворотом дела, мишка попытался отмахнуться, но тут мои материнские инстинкты, наконец, договорились с человеческими мозгами, и результат этой кооперации получился внушительный: мелкая баба (относительно) раз за разом применяла против крупного мужика (реально, зараза, здоровенный был медведюга) запрещенный прием – колошматила его лапами не куда придется, где когти, даже медвежьи, все равно увязнут в густой шубе, а прицельно била по нежному и незащищенному носу. Раскровянив последний в момент.

Незванный brutalный пришелец сначала пытался увернуться и огрызнуться, пару раз очень чувствительно заехав мне по уху и по морде, а также цапнув желтыми кривыми клычищами за бока и холку. Он все норовил мимо меня протолкнуться к спуску в пещерку, где явно чуял то ли добычу, то ли конкурента-детеныша, которого надо прибить, чтобы симпатичная медвежья самка опять стала фертильна и свободна для оплодотворения его бесценными

генами. Но в итоге решил, что эта дура психическая слишком нечестно дерется, медведиц в лесу, в конце концов, много, а нос у него один.

От души рявкнув что-то напоследок, толстяк развернулся ко мне бронированной кормой и обиженно скрылся в кустах. Вали-вали, орясина шерстистая! А то вообще нос откушу! Ишь, оплодотворитель нашелся! Моего медвежонка... шиш тебе!

Стало тихо-тихо. Ну, в смысле, после того, как треск веток за незванным гостем затих. Я села на хвост и помотала головой. И тут звуки вернулись – словно теплую шапку с туго завязанными ушами сняли.

Сразу всем организмом ощутилась целая куча вещей. Как за резной кромкой леса на востоке солнце первыми лучами-разведчиками робко щупает небо над материком. Как саднят раны от клыков и когтей пришедшего медведя. Как в ближайших зарослях испуганная птичка-невеличка встряхивается всем оперением и тихонько попискивает.

И как там, внизу, у пещерки, шепотом ругается Гринч-который-не-Гринч. О, зашипел. Чего это он? Ой! Я ушами тряхнуть не успела, как по утоптанной звериной тропинке простучали босые пятки и мне на грудь бросилось что-то маленькое, голое и растрепанное.

– Мама-а-а-а-а!

– Кристина! Крис! – Гринч там, внизу, явно был в ужасе. – Крис, вернись сейчас же! Отойди от зверя!

– Папа, ты дурак?! – уже со злыми слезами мелкая оторвала лицо от шерсти на моей груди и обернулась к торопливо ползущему по тропе мужчине. – Это не зверь! Это мама! Она прогнала другого медведя, а он ее поранил!

– Ыр-р-р! – сказала я несколько озадаченно, склонив голову к плечу. Ссадины и раны, кстати, уже почти перестали кровоточить и скорее чесались, чем болели. Это, наверное, хорошо, хотя потом обязательно надо зализать, где достану, чтобы не загнило. Но жамкающий меня ребенок смущал и порождал в душе странные чувства – мощный такой спектр от желания свалить подальше, ибо чего это? Чье это? Зачем это? А вдруг нечаянно лапой наступлю, оно слишком маленькое и хрупкое... До бешеной ярости при мысли, что ребенка может кто-то обидеть.

А доползший до верха тропинки Гринч... ну что Гринч? Замер. Вытаращился. Не верит, но пока малышка так близко от меня – боится даже вздохнуть.

– Крис-с-с-стина... – буквально одними губами и дыханием. – Детка, иди с-с-с-сюда...

Не, если бы меня таким голосом и тоном подзывали, я бы тоже не пошла. Вот и дите упрямо мотнуло растрепавшимися льняными косичками и втиснулось в меня еще плотнее.

– Уруру... – я вроде как вздохнула. Вышло задумчиво и обреченно. Очень неловко – потому что все еще боялась не рассчитать силу медвежьих конечностей – я одной лапой обняла девочку за плечи, а другой попыталась погладить по голове. И только тут поняла, что ребенок дрожит не столько от слез и страха, сколько потому, что замерз! И этот придурок, пока сидел в пещере, даже не догадался на ребенка свою рубашку с откушенными пуговицами надеть, дундук недобитый, а еще папаша! Самого нельзя в лес без няньки отпускать, судя по всему, и жену потерял, и ребенка омедведил, пуль каких-то посторонних нахватался как блох, башкой приложился... не муж, а недоразумение одно. Я отказываюсь дальше жениться на таких условиях!

– А-х-х-хр-р-р-р! – Я глянула исподлобья на отпрянувшего Гринча и, если бы могла, заржала бы ему в лицо, обнаружив, что он «незаметно» для меня уже вооружился каким-то суком и явно приготовился идти войной на дикого зверя. Ну как он себе это представляет, а? Или просто реально еще головой нездоров, от слова «совсем»? Ну, сотрясение там точно есть. Вон, шипит, змей блондинистый.

– Кристина, медленно... медленно подойди ко мне.

Крис замотала головой и снова прижалась к моему меховому пузу. Упертый у нас вышел отпрыск, надо сказать. Если решила, что мама – медведь, так теперь клещами от теплой шкуры не отдерешь.

– Крис-с-с-стина... маленькая, – а все же сообразил, что пугать ребенка не надо, старается говорить медленно, тихо, спокойно. Меня, то есть дикую зверюгу, тоже не пугает. Резких движений не делает. А сук для драки приготовил. В пасть мне надеется вставить как распорку, что ли?

– Крис, иди ко мне, детка. Иди, а потом мы разберемся с... мамой.

– Да не подойдет она, не видишь, что ли, дурак слепой, замерз ребенок, а так хоть согрется! – не выдержала и рывкнула я, а потом... раскрыла пасть и уставилась на Гринча... то есть на этого Агренева Ивана, такими же перепуганно-охреневшими круглыми глазами, как он на меня.

Потому что выдала я это ему на чистейшем русском языке, с искренней экспрессией и правильной модуляцией, но совершенно без помощи медвежьего языка и медвежьей глотки.

А чем тогда я это сказала?!

Глава 9

– Что?! – тупо переспросил Гринч и... медленно осел. В обморок. Честное слово, если бы я не знала, что мужик просто серьезно ранен и по голове ударен, решила бы, что внутри него прячется трепетная институтка. Подумаешь, медведь разговаривает человеческим голосом, чего сознание-то терять?

Но ему простительно, ладно. Недобиток, что с него взять. Жаль вот, что моя мгновенная горячая надежда на превращение обратно в человека растаяла так же быстро, как появилась. Потому что вот они, мохнатые лапы, вот оно, шерстяное пузо. Никуда не делись. И мелкая все так же греется о мою шерсть.

А может, и хорошо, что не превратилась. Судя по Кристине, я тоже рисковала бы оказаться в незнакомом лесу голышом и с полудохлым мужем в придачу.

Медведем я все же хоть не замерзну, о ветки не поранюсь и все такое прочее. Еду, опять же... проще добывать.

И посторонних медведей гонять, кстати!

Ох, грехи наши тяжкие... вот так и вспомнишь бабушкину присказку. Ну и что мне теперь делать? Ребенок голый, голодный и замерзший, еще немного – и, как пить дать, заболит. Муж объелся груш. В смысле тоже валяется на холодной земле дохлой тушкой мертвого тела и в дело утепления потомства употреблен быть не может. Дела...

– Залезай на меня верхом, – велела я девчонке, все еще немного сомневаясь, что это не я с ума сошла и у себя в голове сама с собой разговариваю. Но нет, дите понятно пискнуло и стало проворно карабкаться по моему боку, цепляясь за шерсть пальцами рук и ног. Умная обезьянка, проворная. И послушная.

– Ложись всем телом, заройся в мех и грейся.

– А папа?

– А папу тоже не оставим на холодной земле лежать, – вздохнула я. Ну чего, транспортировка недобитого Гринча... то есть Айвена, дело, можно сказать, привычное. Зубами за ремень на брюках – и понесла, как собака кутят носит. Даже удобно, что он без сознания – тихо висит, не брыкается.

В пещере было немножечко теплее, но все равно если устраивать тут более-менее постоянную берлогу, то для ребенка уровень комфорта надо повышать. Зря я, кстати, на Гри... Айвена наезжала по поводу того, что он на мелкую даже свою рубашку не надел. Он и не мог, потому что кое-какая косолапая и очень самоуверенная склеротичка забыла ее на берегу реки.

Сгрузив мужчину в уголок, я кое-как устроила его на спине, Кристине велела лечь сверху ему на грудь, чтобы грели друг друга, а сама со всех четырех лап кинулась добывать комфорт своему новому семейству. А куда деваться, если они уже есть и уже здесь?

Выбравшись из логова, я на секунду остановилась, соображая, куда двинуться первым делом. Так... уже утро, но все равно, далеко отходить от пещеры не стоит. Этих двоих оставлять без присмотра чревато – мало ли, давешний носитель медвежьих генов вернется, или муж придет в себя и решит, что от опасной медведицы надо убежать подальше. Затащит ребенка не пойми куда, еще уронит или потеряет, да и сам убьется – в таком состоянии люди вообще плохо соображают.

Я, конечно, их потом по запаху найду, но как бы поздно не было... Так. Значит, поход на отмель за рубашкой пока откладывается. К тому же выпала роса и ткань наверняка ею пропиталась; прежде чем надевать на ребенка, эту одежду придется высушить.

Значит, утепляемся природными компонентами. Хорошо все же быть медведем – хоть целую елку на лапник обдерешь и не вспотеешь!

Конечно, всю ель я заламывать не стала – эколог я или где? Аккуратно, мысленно прося у дерева прощения, поотгрызала тут и там молодые ветки с более мягкой хвоей, аккуратно сложила кучкой и только потом в охапке понесла ко входу в пещеру.

Внутри эту охапку пришлось пропихивать носом, потому что в полный рост с прижатыми к груди ветками я б туда просто не вошла. Так что изнутри, наверное, это выглядело совсем шизофренично: все шуршит, пытит и лезет в пещеру невнятной темной колючей массой.

Неудивительно, что ребенок испуганно взвизгнул, а мне в лоб прилетело тем самым осколком камня. Тьфу! Очнулся, недобиток...

– Шас как дам! Прекрати швыряться, псих долбанутый, – раздраженно рявкнула я, протискиваясь в логово. У-у-у, хорошо еще, что медвежий череп такой крепкий. Откуда только силы взялись у этого задохлика, приложил так, что у меня аж между ушами звон пошел и глаза к носу чуть не съехались.

– Папа, я тебе говорила, говорила! – Детенок сделал попытку выскочить из-за недобитковой спины и опять ухватить мою мохнатую тушку всеми четырьмя конечностями, но не тут-то было. Айвен оказался проворнее, в момент поймал прыгучего ребенка поперек туловища и запахал обратно себе за спину, еще и шикнул строго. А потом обернулся ко мне и...

– Только не обратно в обморок! – торопливо попросила я. – Ну хватит уже. Что, говорящих медведей никогда не видел?

– Золотинка? – Мужчина растерянно потер лицо руками и осел на пол. Но не без сознания, слава богу, а просто обессиленно прислонился к глинистой стене и на секунду закрыл глаза. – Это... это правда ты?..

Вот ведь вопрос. Теоретически я вовсе не его жена. А практически... из тех картинок-сновидений я почерпнула не только чужие воспоминания, но еще кое-что вроде смутных ощущений. Таковую память своеобразную, но не мысленную и даже не телесную, а, скорее, эмоциональную.

Именно благодаря этой памяти чувств я воспринимала Кристину как своего ребенка. Ну и запах еще, он был таким родным, что сомнений не оставалось. То есть в этой части я действительно ребенкина мама и, получается, Айвенова жена.

А вот в отношении него все было сложнее. Вроде бы та самая память чувств тоже где-то маячила на краю сознания, но так уж вышло, что образ тупоголового Гринча напрочь ее забил в те самые первые мгновения нашей встречи. И теперь именно мое отношение к бывшему однокласснику играло первую скрипку в моей душе.

То есть я воспринимала мужа как непроходимого придурка, всю школу не дававшего мне спокойно жить, трепавшего мне нервы в колледже, потом в университете и, наконец, даже в

аспирантуре. Ну и как вишенка на торте – я его прямо сильно не любила за идиотский трюк с мотоциклом. Слишком дорого мне он обошелся...

Понятно, Гринч вовсе не хотел меня убивать, понятно, что это был несчастный случай. И Айвен, сидящий передо мной на глинистом полу, – вообще не Гринч. Но хоть тресни, а отношение к нему в голове уже сложилось. И чтобы переломить его, мне надо делать усилие над собой.

Так что же мне ответить на его вопрос? Вон он как замер, не дышит почти, глаза горят лихорадочным огнем то ли надежды, то ли отчаяния, то ли безумия. Что мне ему сказать? Что его жена неизвестно где и, скорее всего, действительно умерла, а я только непонятная пришелица из другого мира и другого времени, странным образом оказавшаяся в теле медведицы?

Да у него окончательно крыша поедет. Я сама стараюсь сильно на эту тему не задумываться, чтобы не сойти с ума. А у мужика и без того голова продиравлена.

Значит...

Глава 10

– Можно сказать и так. – Я протиснулась в пещеру и ворчливо перевела тему: – Подвинься, сделаю подстилку для ребенка. А потом тебя осмотрю, надо проверить, как раны заживают. Хотя прыгаешь ты шустро, значит, все более-менее в порядке.

– Золотин...ка... – Кажется, ему опять плохо. Дохлый какой-то мужик, а еще золотодобытчик. Ну ладно, ладно. Это я вредничаю и придираюсь. А кто бы на моем месте вел себя как пушистый зайчик?

– Давай сначала сделаем так, чтобы у нас ребенок не умер от переохлаждения, а потом будем между собой разбираться, – предложила я компромисс.

Мой муженек тем временем немного пришел в себя и начал коситься на меня с подозрением. Но не с тем подозрением, с которым смотрят на дикого зверя – что ему в башку стрельнет, непонятно, но вдруг кинется. А с другим таким. Более человеческим. И я даже поняла, что его насторожило. Золотинка-Голди, сирота-полукровка из индейского поселения, была способной девочкой и старательно учила не только английский, который здесь называли бриттским, но и славский-русский. Вот только говорила она на нем все еще не так уверенно и с акцентом. А я на эмоциях шпарила с подвывертом, да еще и с такими интонациями, с какими Голди, наверное, никогда с мужем не разговаривала.

– Если ты не заметил, рот я для разговора не открываю. И слова произношу не языком. Я медведь, вообще-то. Поэтому обращаюсь напрямую к твоему разуму и душе, – постараюсь сразу развеять его подозрения, хотя сама ни фиги не понимаю. Но тут главное – напустить туману и вещать уверенно. – У души акцента не бывает, потому ты так хорошо понимаешь, что я говорю.

– Золотинка... но как?! Что произошло?! – Кажется, «объелсягруш» немного расслабился. Не то чтобы поверил до конца, но признал, что все так странно, что даже подозревать сейчас не время.

– Не помню, – быстренько отмазалась я. И даже почти не соврала. Этих воспоминаний Голди мне не успела показать, но были у меня смутные надежды на следующий сеанс сновидений. Поэтому я постаралась успокоить и себя, и Айвена: – Но постепенно память восстанавливается. Вот твою маму я уже вспомнила, и как они с отцом приезжали... может, и другие кусочки картинки вернутся со временем.

Айвен кивнул, но скорее не мне, а своим мыслям.

– Так, все вопросы потом! – Ух, прямо Златка-командир, а не медведица. Но так надо, потому что Айвен может сомневаться, и подозревать, и сходить с ума до бесконечности, а у меня тут ребенок замерзает. – Раз ты в сознании, значит, сумеешь подстилку из лапника соорудить и залезть туда с Крис. Обними ее, и пусть сидит у тебя на коленях, я вас ветками

сверху закидаю. Будет теплее и меньше запаха, на который может прийти хищник. А мне нужно на реку за твоей рубашкой, потом найти что-то из еды, потом... потом видно будет.

– Ох... Золотинка, – улыбнулся вдруг бледными губами Айвен. – Даже в медвежьей шкуре все такая же суетоха и хозяйюшка... я... прости, родная...

– Не-не-не! – забеспокоилась я, видя, как ярче проступают на его бледном осунувшемся лице синяки под глазами. – В смысле, я прощу, как только вспомню за что. А сейчас не смей тут умирать и впадать в меланхолию, у нас ребенок! Голодный и холодный. Живо полезайте в гнездо из веток, я вас укрою.

Уф-уф... Мне кажется, Айвен меня послушал только потому, что ему на самом деле плохо еще после ранения. Вот ведь зараза, еще осмотреть его надо и облизать по необходимости, а позволит ли он так с собой обращаться, будучи в сознании? Ладно, будем решать вопросы по мере поступления. Сейчас топ-топ к реке за рубашкой, заодно по дороге попытаемся поймать что-нибудь съедобное.

Вообще, избыточного пропитания в дикой природе севера не предусмотрено. Но умеючи с голоду помереть сложно, особенно медведю. А здесь, на острове...

Первозданный лес острова Вайкувер – настоящее чудо сам по себе. Елки, сосны, всякое лиственное – это ерунда. Главное – исполинские кедры! Они росли здесь непрерывно десять тысяч лет, с ледникового периода. Местные индейцы из резервации рассказывали, что средний возраст дерева в этом лесу – пятьсот лет. Это настоящие влажные джунгли, которые так редко встречаются на земле; здесь все растет бесконечным нагромождением слоев, в темноте мхи тянутся по стволам на стометровые высоты, с веток капает, даже когда не идет дождь, а между камней текут прозрачные ручьи. Красота!

И изобилие. Очень жаль, что человеческий ребенок и его папа вряд ли будут есть гигантских слизняков, например. Их здесь видимо-невидимо! Я, пока вдоль ручья топала к реке и потом уже вдоль нее к отмели, с большим удовольствием подкрепилась – медвежья сущность находила этих существ весьма аппетитными. И это хорошо, потому что я вдруг задумалась над тем, что моему звериному телу нужно гораздо больше калорий, чтобы не потерять силы. Как тогда выкроить достаточно еды для двух людей?

А вот если я буду спокойно лопать протеины, от которых моих человеческих новых родственников в лучшем случае стошнит, – вопрос не то чтобы решен, но сильно упрощен.

О, вот и рубашка... как я и думала – мокрая от росы насквозь. И вкусный слизняк размером с ладонь взрослого человека приполз зачем-то на рукав. Оппа... маловато будет. Но сейчас важнее накормить ребенка.

Так, сырым мясом лесных зверей дите кормить все же не рекомендуется. Ибо гельминты и все такое прочее. Лучше подождать, пока появится возможность развести костер. Может, Айвен что-то придумает, не знаю. Вроде я у него спичек или огнива не заметила, но все может быть. А пока самая безопасная еда – это рыба.

Да, тоже сырая. Да, и у нее бывают паразиты. Но тут важно уметь выбирать более здоровую на вид и тщательно очистить тушку от внутренностей. Эх, медведь, конечно, умеет ловить рыбу, но дело это не быстрое, и в целом лучше всего получается только в конце лета, когда на нерест идет лосось. А сейчас...

Стоп.

То-то мне все казалось странным что-то в лесу. Кое-какие цветы, каких не бывает в начале июня, опять же ночью был такой звездопад... С чего я взяла, что раз мотоциклом меня ударило в первых числах лета, то и здесь я оказалась ровно по календарю в тот же день?!

Меня ввела в заблуждение знакомая зелень, а еще поначалу я в принципе думала, что осталась в своем мире на том же острове, просто стала медведицей. Но мир – другой. И время, судя по воспоминаниям Голди, – в лучшем случае середина девятнадцатого века. Так что

мешает расцвести вокруг августу? Тем более что вон же, вон! И вон! Этот серебристый плеск на мелководье я ни с чем не перепутаю – идет лосось!

Живе-е-е-ем! Даже не придется пугать ребенка и мужчину слизнями. Красная рыба – что может быть здоровее, питательнее и вкуснее? Ну, медвежья натура, как тут у тебя с инстинктами? О, порядок! Слюни потекли, лапы сами вспенили воду на отмели. Вперед, рыбалка наше всё!

Глава 11

Так-так-так... Оппа! Есть! Оп-оп-оп! Ай, блин! Эдак даже мою медвежью тушу с ног собьет!

Уф-ф-ф-ф...

Это оказалось крайне увлекательное занятие – ловить рыбу, руководствуясь одновременно человеческим разумом и медвежьими инстинктами. Самка, в тело которой я попала, была еще довольно молода, а потому проворна, увертлива и сильна, но при этом нам с ней явно не хватало практического опыта.

Хотя, конечно, во время нереста лосось – добыча не слишком шустрая. Тем более здесь, довольно высоко по течению одной из рек острова, да еще выше отчетливо шумевшего где-то там, за поворотом, водопада.

Когда я схватила первую рыбку прямо зубами за жирную спинку, медвежья сущность временно взяла верх над памятью о том, что где-то там в пещерке сидят двое голодных людей и им нужна моя добыча. Желудок взревел бешеным зверем, и я очнулась только в тот момент, когда, сидя на мелководье, уже облизывала свою довольную морду, всю вымазанную в рыбьем жиру.

Упс...

Ладно, ничего, просто мишку надо вовремя кормить, и она будет хорошей девочкой. А ну пошла, толстая попа, обратно в реку и поймай еще рыбку!

Вот наберусь опыта, приловчусь и отправлюсь за добычей вниз по течению. А то тут лососи хоть и вялые, но их сравнительно немного по сравнению с тем бесчисленным потоком, что вливается из океана в устье реки. А еще добравшийся почти до самого места нерестилища рыбец очень сильно теряет в качестве. Лососи, они ж как камикадзе – идут не только размножаться, но и умирать. Мало того, что ничего не жрут с момента попадания в пресную воду, двигаются вверх на старых запасах, так еще и стремительно «стареют» по мере продвижения к цели.

Ну, короче, даже на вид отличается та рыба, что бодро двигает хвостом, пробиваясь сквозь толпы собратьев сразу у устья, и та, которую только что сожрала я. У моей даже «клюв» на морде уже отрос, верный признак, что еще пара сотен метров – и эта рыба выпустит икру и мирно скончается.

Ничего, пока нам не до жиру, быть бы живу. В заготовку такая тушка не годится, первый и самый острый голод утолить – сойдет. Оппа! Лети-ка на бережок... вас там уже штук пять бьется на камнях. Хватит? Или еще немного порыбачить? Так, надо все же и самой наесться. А то черт его знает, как поведет себя мой звериный инстинкт, если решит, что его обделяют пропитанием... Не хватало, как с первой рыбой, прийти в себя и обнаружить, что доедаю Гринча... тьфу, Айвена. Мужа, короче.

Прошло, наверное, около часа, если судить по солнцу. Моя медвежья сущность налопалась так, что явственно отяжелела, и, выбираясь на бережок, я чувствовала себя, как тот жаб из старого-престарого русского мультика про Дюймовочку: поели? Теперь можно и поспать...

Ага, разоспалась одна такая! Пока ты, дура черношкурая, в речке бултыхалась, лопаая в свое удовольствие, тут на твою добычу другие желающие нашлись. А ну брысь, падла рыжая! Прочь пошла! А то сейчас хвост оторву ребенку на воротник! Ух!!!

М-де. Из пяти приготовленных для моего семейства рыбин осталось только три. И хвостатая ворюга явно ни при чем – она только подбиралась к добыче, когда я ее шуганула. Значит, двух жирных рыбцов кто-то другой увел. Желающих тут хватает...

И что делать? Залезть еще половить? А толку? Пока я буду в воде плюхаться со своей сытой сонливостью, этих трех еще кто-нибудь сожрет. Ладно, в конце концов, две рыбы Айвену, одна Кристине – на завтрак хватит. А там будем посмотреть.

Так, теперь надо сообразить, как доставить в пещеру рыбу и рубашку одновременно, причем не перемазать вторую первой. М-де... ы-ы-ы-ы...

Вряд ли этот остров видел медведицу, у которой на шее повязана мужская рубашка на манер пионерского галстука, как в книжке времен маминого детства. Мы такую «с родины» привезли, «Тимур и его команда» называется. Только у меня галстук не красный, а синий. Как у скаутов. Нормально. Рыбу в зубы – и пошла.

– Моя дочь не будет есть сырую рыбу!

Да чтоб ты провалился, дурак стукнутый! Уже полчаса, наверное, прошло с того момента, как я вернулась в берлогу, гордая и довольная добытчица. И главное, «объелсягруш» сначала обрадовался, выполз из довольно уютного гнезда, которое успел свить из еловых лап в мое отсутствие... Косился все равно с подозрением, Кристине строгим голосом велел сидеть там и не высовываться, но при виде лосося глаза у него разгорелись. Он схватился за пояс... и вот тут нас настигла первая неприятность.

Нож в ножнах, рыболовный крючок с леской и еще какая-то нужная мелочь в специальных кармашках были на месте, а вот ни спичек, ни огнива, или что там у него было на этот случай, не обнаружилось. Потерял где-то.

Ну и все. Переклинило мужика – вот прямо сейчас он пойдет на то место, где его били-били-не добили, найдет там свое приспособление для добывания огня, вернется, разведет костер, пожарит рыбу, и тогда...

– Слушай, начнем с того, что далеко ты в таком состоянии не уйдешь, – попыталась урезонить этого недобитого живчика я. – Это первое. А второе: сырая рыба – это же лучший источник всяких полезных веществ, ее даже от цинги едят! Ты столько лет прожил на западе, неужели никогда...

– То, что годится взрослому работающему мужчине, не подходит маленькому ребенку, тем более девочке! – не терпящим возражений тоном выдал этот... патриархал доморощенный. – И не спорь со мной, Золотинка, я лучше знаю.

Вот тут я натурально глаза на него вытаращила и даже пасть приоткрыла. Да он... да он... нет, вы на него только посмотрите! Пофиг мне, что смутная Золотинкина память подсказывает: она ничего против такого обращения не имела, типа примерная скво и хорошая жена, вот это все. Мужик – хозяин в доме, начальник всех начал... так бы и треснула поварешкой по башке!

Нету у меня поварешки, жалость какая. А лапой его приложить – убью ненароком. И что делать? Он же уперся как баран!

– И куда ты в таком состоянии пойдешь? – переварив желание немножко загрызть мужа, ехидно спросила я. – Упадешь под ближайшим кустом, и мне придется воевать с армией падальщиков, которые наверняка сбегутся на запах. Это первое. А второе – ты не подумал, что там могут быть те, кто на нас... напал? И ты приведешь их сюда?

– Не беспокойся, – вот тут он так улыбнулся, что у меня шерсть на загривке дыбом встала. – Не придут. Я не сумел вас защитить, – тут я просто почувствовала, как ему трудно произнести эти слова. – Но сумел отомстить, и...

– Это все хорошо, но ребенок голодный, а ты раненый. Где ты сейчас будешь искать такие мелкие вещи и, главное, зачем?! Нормальная еда, в лососе нет паразитов, и индейцы спокойно дают ее де...

– Мы не индейцы, и наша дочь – маленькая девочка из хорошей семьи! – вспыхнул вдруг этот в голову стукнутый. – Она не будет есть сырую рыбу, как дикарка!

– Ах вот, значит, как?! – У-у-у-у, от злости просто в глазах потемнело. Расист нашелся! Угнетатель! Приличный! – То есть жениться на дикарке тебе ничего не помешало, а теперь про семью вспомнил?!

– Золотинка... – Айвен мгновенно сдулся и виновато опустил глаза. – Прости... но моя дочь – не животное и сырую рыбу есть не...

– Р-р-р-ням-ням-ням-чавк-хр-р-р-р-р! Р-р-р-ня-а-а-а! – перебил его вдруг громкий и странный звук. Ну как странный. Я-то мордой в сторону елового гнезда стояла и источник его разглядела сразу. А вот Айвен как обернулся, так и сел на земляной пол.

Пока мы тут спорили, наше дитяtko решило проблему по-своему. Как это у нее получилось, а?! Я тоже хочу! Но вместо голой чумазой девочки на лапнике возилась упитанная медвежонка, одну рыбу она торопливо грызла, вторую прижала к полу лапами, всхлипывая от жадности, а когда Айвен попробовал шевельнуться в ее сторону, визгливо и ужасно смешно рывкнула на него прямо сквозь пожираемого лосося.

Глава 12

– Что это?! – слабым голосом спросил муж, все еще сидя на глинистом полу и делая слабый жест рукой, словно пытался отогнать от лица кошмарное видение.

– Голодный ребенок, не видишь, что ли? – Ну да, я бываю ехидной до невозможности, но он меня так разозлил, что сейчас я просто не могла удержаться. – И слава всем богам, разом две проблемы решились сами собой. Теперь она хотя бы не замерзнет, а у тебя больше не будет дурацких аргументов по поводу сырой рыбы.

– Это... это... Кристина?!

А, он ведь опять спиной к ней стоял, когда детенкин силуэт на секунду подернулся туманом и на месте тощенькой малявки образовался округло-упитанный медвежонок. Кстати, как так? Откуда дровишки? В смысле, закон сохранения энергии никто не отменял, а в медвежке по весу штуки три Кристины, должно быть. Как она умудрилась этот жирок из воздуха нарастить?

– А ты здесь какого-то другого ребенка видел? И нечего на меня так недоверчиво коситься, я имею право пребывать в дурном расположении духа. Меня на этом острове явно обижали, хотя я и не помню как, родной муж сначала узнавать отказывается, потом ребенка нормально покормить не дает, да вдобавок ко всему я хочу как Крис туда-сюда свободно превращаться, а не получается!

– Кристина? – все тем же слабым голосом позвал Айвен, и поскольку мелкая уже сожрала обе захваченные в «честном» бою рыбины, более-менее налопалась и пришла в благодное расположение духа, то добился муж несколько неожиданного результата. Дочь радостно уркнула, подпрыгнула на месте, как неуклюжий мячик, и кинулась к папе обниматься.

Медвежонка. С детской координацией движений и медвежьими когтями. И массой тела сильно побольше, чем у пятилетнего ребеночка. К раненому, стукнутому и вообще сильно потрепанному последними событиями папе.

– Слезь с отца и отойди в сторонку, – строго выговорила я дитю, ловя ее зубами за холку и, не дожидаясь ее действий, просто снимая увесистое тельце с поверженного мужа. – Смотри, что ты наделала, чуть было не затоптала больного папочку. Ладно, нет худа без добра... Я там рубашку его повесила на куст, скоро высохнет, а пока он вот так лежит, можно заняться медицинскими процедурами. Иди и сорви слева от пещеры несколько листиков свежего подорож-

ника. Крис, слышишь? Поняла? Как выглядит подорожник, помнишь? Умница. Топай громко, чтобы я слышала тебя и знала, что ты рядом, а не поскакала на поиски приключений.

Кристина угукнула по-медвежьи и укусолапила наружу, а я так и осталась в недоумении – умеет ли моя дочь в зверином обликии разговаривать по-человечески, или нам придется еще и эту проблему как-то решать? И как часто она теперь будет прыгать туда-сюда-обратно из девочки в животинку? Можно ли этим процессом как-то поруководить?

И тут в мои размышления вмешался странный звук. Вообще нынешнее мое существование на странные звуки богато, но этот был особенно...

Распростертый на полу Айвен, на этот раз, слава всем богам, оставшийся в сознании после дочкиных нежностей, смотрел на меня снизу вверх блестящими серыми глазами и... смеялся. Я бы даже сказала – ржал как конь.

С ним точно все в порядке, а? Я не умею на вид и на запах определять, поехала у человека крыша насовсем или это временное помутнение... что же делать, что же делать, что...

– О боги... Золотинка... – сквозь смех простонал этот болезный. – Я сойду с ума! С нами такое случилось, а ты осталась все такой же ворчливо-хлопотливой суеухой с замашками домашнего тирана, совсем не изменилась!

Я опешила от такого поворота, но на всякий случай тут же надулась и сделала вид независимый и гордый. И как такое понимать? Только пять минут назад он мне тут ножкой топал, про «мужик сказал – все подпрыгнули» и я вроде как даже вспомнила, что его скво с этим соглашалась, а теперь, значит, это я тиран и деспот и так было всегда?

«Мужчина командует за порогом, женщина командует в доме. Так правильно и заведено веками».

О! Это откуда всплыло? Вроде бы что-то похожее говорила мне старая шаманка из резервации, я о-бо-жала ездить к ней на выходные в «учебный лагерь для девочек». Ее слова? Или все же Золотинка где-то из глубин памяти подсказывает?

Нет, ну в целом логично. Когда разделение труда по-честному и ни один из партнеров не филонит и не хитрит, чтобы свалить на другого побольше грязной работы, – у меня даже с феминистской точки зрения возражений нет. Другое дело, что мужики частенько хотят иметь привилегии командира без нифига ответственности... но это другой вопрос. У индейцев в дикой природе, кстати, редко такое прокатывало. Потому как ты сегодня жене козью рожу скорчил, а завтра она твои мокасины за порог фигвама выставила, и гуляй, гордый орел, отныне ты холостяк. А детей, кстати, будь добр обеспечить свежими оленями, ты с женой развелся, а не с потомками.

Ну-у-у... и все равно, с какого такого перепуга он насчет питания ребенка выступал? Это сугубо внутреннее фигвамное дело, нечего всяким в него влезать. Правильно мелкая на него нарычала, это он, значит, пакт о ненападении нарушил! Уф...

Но самое главное, судя по его взгляду, он перестал во мне сомневаться. Признал женой дикую медведицу. А разборки по поводу того, как это вообще получилось, решил отложить на потом. Это хорошо. Только непонятно, что мы в дальней перспективе с этим делать будем... но сейчас надо сначала с близкими перспективами разобраться.

– Лежи смирно, я твои раны осмотрю. Не похоже, что там завелось воспаление, а то у тебя был бы жар, но лучше проверить... ну лежи спокойно! Чего ты вошкаешься, как червяк на печке, я же не цапля, чтобы через тебя на цыпочках переступать. У меня лапы большие! И тяжелые. Тьфу... ну и чего ты опять ржешь?

– Ве... вечно у тебя сравнения как из учебника по естествознанию для гимназистов среднего корпуса, – сквозь смех выдавил Айвен. – Но когда ты их с акцентом проговаривала, было еще смешнее.

– Подумаешь, – бормотнула я, тщательно и, похоже, щекотно вынюхивая его рану на ребрах. – Я тебе клоун, что ли? Ну чего ты дергаешься? Не укушу.

– Щекотно, – подтвердил мои догадки Айвен и улыбнулся.

Так-так-так. То ли я такой отличный доктор, то ли у меня слюна для микробов ядовитая. То ли на моем татуированном муже все само заживает, как на собаке... или на медведе. Я ведь тоже уже не чувствую царапин, нанесенных во время утренней битвы с чужим самцом. Вот и у Айвена под дорожкой раны покрылись корочкой запекшейся крови, и ни следа воспаления. И они у него явно чешутся, а значит – активно заживают.

На всякий случай, несколько бесцеремонно ворочая мужчину лапой, я тщательно выли-зала кожу вокруг рубцующихся ранок и решила, что еще один компресс из дорожки лиш-ним не будет. Где там дите с нужной зеленью? Вроде я все время слышу ее шаги, контролирую, значит, далеко не ушла.

– М-м-м-ма-а-а-а-ар-р! Ма-а-а-а-а! – словно в ответ на мои мысли завопили снаружи, и я едва не вписалась головой в потолок пещеры, потому что подпрыгнула, узнав голос своей медвежонки. Она была испугана и зла и вопила как резаная.

– Кристина! – кажется, вскрикнули мы хором и одновременно кинулись к выходу из пещеры.

Глава 13

У меня сердце остановилось и попыталось провалиться куда-то в задние лапы. Потому что, когда солнечный свет ударил по глазам, прямо над головой раздался оглушительный выстрел, а потом крик, и я от ужаса даже не поняла чей.

Поскольку габаритами я мужа все-таки сильно превосходила, вырваться из логова пер-вым он не сумел, хотя пытался, но отлетел обратно в темноту от мощного тычка лапой. Там, снаружи – опасность!!! Дети и раненые должны быть в убежище, а не рваться с бешеным кри-ком под пули.

Реветь, имитируя злобное чудовище, я не стала. Ну, потому что хорошо помнила, как нас егеря в заповеднике учил стрелять на звук. Я, может, и медведь, но с мозгами! И предпочту подлю напасть на владельца ружья со спины без предупреждения. Если он только тронул мою медвежонку, я его...

Но тут мне прямо под ноги бросился с детским обиженным ревом черный шерстяной колобок, и я, недолго думая, зафутболила его лапой в темный зев логова, прямо в объятия к папочке, который тоже рвался в бой и лез наружу.

Обоих унесло вглубь, это хорошо.

Черт, дура все же, вот куда сама-то рванула? Что я могу сделать против заряженной дву-стволки, направленной мне прямо в лоб?! Хорошо еще, не в упор, до стрелка было метров тридцать, но я очень хорошо чувала его медвежьим чутьем, а человеческой своей частью пре-красно разглядела и оценила направленное на меня ружье.

Как во сне или в набившей оскомину книжке, где картинно описываются два темных зрачка ружейного дула, которые смотрят тебе прямо в лицо. И ты парализован, не можешь пошевелиться, смотришь в эти глаза смерти, и...

И фигу вам! Это, может, человека опасность парализует, а моя медвежья часть такую заднюю скорость включила, что любо-дорого, только комья земли из-под копыт... в смысле когтей.

Но, конечно, даже скорости зверя недостаточно, чтобы уйти от пули. Ствол ружья дер-нулся, отслеживая мои метания, человек, стоявший на косогоре среди листвы и пушистых ке-дровых лап, не собиравшись выпускать добычу.

Я отчетливо услышала, как щелкнул курок, и даже успела увидеть вспышку выстрела, и у меня была только одна мысль – поймать пулю телом, а не лбом, тогда есть шанс.

Мне повезло, мне чертовски повезло, я уж не знаю почему. Готова была к удару и боли, но в это ненормально длинное мгновение, которое все длилось и длилось огнем из дула и грохотом

выстрела, к стоящему в позе стрелка мужчине из-за ближайшего куста кинулся некто и ударил по ружью снизу, уводя стволы к небесам.

– Нельзя! Хозяйка убьет!

Удивительно, но этот крик перекрыл даже звук выстрела, хотя прозвучали они одновременно. Или у меня медвежий слух настолько хорош и избирателен? А-а-а, какая разница, лапы в лапы и в кусты, в кусты! Этот, белый господин с ружьем, вон как матерится на помешавшего выстрелу индейца, аж прикладом винтовки ему по башке засветил и торопливо свою пукалку перезаряжает. Господи, только бы Айвену не встряло в башку высунуться наружу и попытаться права качать! Сама я уже залегла в подлеске, слилась с темной опавшей хвоей, и лося лысого меня какой охотник выцелит.

На бравого охотника тем временем налетел еще один персонаж, вроде европеец, поскольку с бородой, но одет так, как одеваются местные индейцы. И они вдвоем со стукнутым силой поволокли уroda с ружьем прочь, а тот отбивался, матерился и все водил дулом ружья, целясь по кустам. Ждал, что я сейчас выскочу под выстрел. Нашел дурочку!

– Шеф! Шеф! – на два голоса орали индеец и ряженный. – Не гневи хозяйку, не надо! Иначе живыми не отпустит!

– Идиоты! Мракобесы! – ругался охотник. – Какая еще хозяйка, это просто медведица с медвежонком!

Ах во-о-от оно что... В мозгу забрезжила смутная догадка. У местных индейцев есть такая легенда про остров – что на нем живет дух матери-медведицы, прародительницы всех медведей и местных людей. Дама эта весьма строгая и неласковая, так что народ ее не просто побаивается – трясется при одном упоминании. Хм-м-м... А еще вовремя память Золотинки подоспела – не то чтобы с полными объяснениями, но с четким ощущением: это враги. Их надо... что? А...

Их надо бы убить, но если не получится – выследить, подслушать и желательно напугать. Так, чтобы при одном воспоминании до туалета добежать не успевали.

Выследить, напугать... нет, выследить я попытаюсь, конечно, но из медведя контрразведчик так себе. Ступать бесшумно зверь умеет, но куда девать харизму? Не за всякий куст ведь спрячешь обаяние такого размера. Мне пока ни фига не понятно, кто вообще эти люди и почему они враги, но Золотинке я верю. По-хорошему вернуться бы в берлогу и спросить Айвена, но некогда, и радуется по-прежнему только одно: сидит тихо, наружу не лезет. Кто кого в пещере охраняет, папа дочку в медвежьей шкурке или наоборот, я не знаю, но какая ж разница? Пусть сидят.

А я... ну, не шугану, так хоть подслушаю, о чем супостаты между собой говорят. Глядишь, обстановка прояснится. А там разберемся, за какое место их пугать покрепче. Нефиг шляться по моему лесу с огнестрелом и нехорошими намерениями! У меня тут ребенок! И муж.

– Да вы рехнулись, уроды, со своими дикарскими байками, – ругань белого человека была слышна на весь лес, даже особенно близко подкрадываться не пришлось. – Придурки! Я нарочно пуганул медвежонка у логова, чтобы выскочила его мамаша, выстрел в лоб – и можно было бы обыскать берлогу, наверняка нашли бы труп Агренева и убедились, что он мертв!

– Шеф, вы же видели его рубашку на кусте, окровавленную и драную, и следы на песке, как зверь его волок, – чуть задыхаясь, втолковывал ругачему гаду индеец. – Хозяйка взяла его тело себе, и хорошо, возможно, ей хватит его крови, чтобы насытить свой гнев. Зачем дразнить духа?

– Скоты! Недоумки! – В холодном голосе стрелка звучала настоящая ярость. – Ничего нельзя поручить. Я уже почти добился, чтобы Агренов подписал купчую на участок, а вы все просрали! Как он вообще попал на остров? Его не должно было тут быть! Это кто-то из вас,

недоумков, спяну распустил язык и навел?! Где эти подонки, что должны были охранять бабу с девчонкой? Где сами пленницы?!

Та-ак. Чем дальше, тем страшнее, как говорится. И кое-что начинает проясняться. Но мало информации, мало! А ироды эти подуспокоились немного и разговаривают все тише, звериный слух мне в помощь, конечно, но желательно все же подобраться поближе. Эх... толстая медведица – красивая медведица. Здоровая, ибо сытая, и приспособленная к выживанию в дикой природе. Но большая попа в деле маскировки по кустам – вот прямо крайне неудобно.

И беспокойно... уходим все дальше от пещеры. Как-то там мои семейства?

Глава 14

Ничего, как-то справилась. С маскировкой, в смысле. Кралась следом, внимательно слушала ругань главного с ружьем, вялые оправдания его помощников и пыталась выстроить в голове целую картинку. Не совсем получалось, конечно, но общее направление, как мне казалось, я угадала правильно.

Этот хмырь огнестрельный – он заказал похищение Золотинки с дочерью, чтобы шантажировать Айвена и заставить его что-то сделать. Что – пока не имеет значения. И он почти добился своего.

Здесь, на острове, пленниц прятали под присмотром двух или трех – я пока не поняла – наемников-отморозков, согласных за деньги на грязное дело. Их задача была сохранить «бабу с приплодом» в целости и сохранности, а белый господин, настоящий заказчик похищения, на большой земле делал вид, что он посредник между Айвеном и преступниками. И вел переговоры, «сочувствуя» бедному мужчине, у которого украли семью. Уговаривал продать от греха этот участок, не задаром же, за деньги, и хорошие, мол, он постарается и сделает все, что в его силах, чтобы женщина и девочка не пострадали и господин Агренов не остался без гроша в кармане – ему же семью кормить.

Тьфу... падла мерзкая. Читала про таких, всегда хотелось попасть в книгу и лично придушить. Сейчас у меня вроде бы появился шанс, вот только ружье бы у паразита отобрать. А пока он с ним в обнимку шастает – ищи дураков под пули соваться. Я медведица, а не дебилка.

Но вот эта мысль, которую усиленно транслируют пособия злыдня... она прямо интересная. Про дух хозяйки острова и вот это все.

Мне кажется, знаю я эту легенду. Мир, может, и другой, но уж больно похожий, значит, и мифология вполне совпадает в некоторых деталях. А про хозяйку острова нам в резервации шаманка много рассказывала. Мол, есть такая. С древности еще. Когда-то давным-давно была лютая зима, и медведица сладко спала в своей берлоге. Пока прямо ей на голову не провалился приبلудившийся непонятно из каких краев раненый охотник. Почтидохлый, голодный и обмороженный.

Удивительно, но есть его хозяйка-медведица не стала, хотя, на мой взгляд, имела полное право – шляются тут, будят в неположенное время. Крышу ломают, опять же. Но, видать, мужик оказался красавчик. И медведице понравился настолько, что она залечила его раны путем целительного зализывания, а потом бодро заимела от означенного пришельца потомство. От которого и произошли все местные племена.

Но главное в другом. Эта медведица бессмертна и до сих пор охраняет свои земли. Сердить ее смертельно опасно, а узнать и отличить от обыкновенного мишки довольно просто. У нее на морде белые полосы, какие рисуют себе шаманки перед камланием, а на шее ожерелье, заменяющее вампум, из ягод и птичьих перьев.

Ожерелье прямо тут мне взять неоткуда, а вот полосы... хм. Кстати, они и для маскировки полезны же. Но это чуть позже, пока надо разузнать, куда вся эта компания направляется, да и вообще, какие у них дальнейшие планы.

Тихой сапой пробираясь по следам злодеев, я довольно далеко ушла от медвежьего логова, но больше ничего полезного не услышала. Вот досада! Но тут вся компания выбралась

на довольно большую поляну, у дальнего края которой торчало нечто похожее на сарай. Или на заброшенное зимовье, какие строят охотники в наших лесах.

Ага, кажется, именно здесь держали Золотинку и Кристину.

Ох... когда я увидела бревенчатые стены под крытой дранкой кровлей, мне стало нехорошо. Опять в голове закрутились смутные образы из чужой памяти. Они совершенно точно были неприятными и даже страшными, но ни один из них я пока не могла рассмотреть и осознать. Да и надо ли оно?

Злыдни на подходе к домику совсем перестали переговариваться, шли гуськом, стараясь ступать неслышно, и держали наготове ружья. Вот блин! Как бы им их попортить? Тогда б и поговорили душевно.

Вот они подобрались к двери, замерли... а потом всей толпой вломились внутрь. И через пару секунд индеец и ряженный с воплями вылетели обратно. Бородатого еще, кажется, и стошнило под куст.

Что они там увидели? Э-э-э-э... кажется, знаю.

Из открытой двери на меня повеяло свернувшейся кровью, вспоротым кишечником и прочими прелестями расчлененки. Причем человеческий разум внутри медвежьего мозга ужаснулся, опознав запахи, а звериный – пожал плечами и поставил маркер «проверить на съедобность». А еще там, где-то в самой глубине, было сытое удовлетворение от хорошо проделанной работы. Э-э-э-э еще раз...

– Шеф... – прохрипел индеец, обращаясь к только слегка побледневшему охотнику. – Уходить надо... здесь никого живых не осталось. Хозяйка забрала всех. И бабу с ребенком тоже – там обрывки платьев в крови.

– Заткнись, – рыкнул на него главный злыдень. – Просто кто-то из недоумков, поставленных охранять пленниц, раздражил или приманил дикого зверя. На острове медведей как собак нерезаных, ничего удивительного. Никакой мистики, понял?! Надо вернуться к пещере и обыскать ее. Наверняка медведица с детенышем уже на другом берегу острова. Я хочу видеть труп Агренева.

Ой-бай!

Так говорила бабушка моя, со стороны мамы... От нее я унаследовала несколько монголоидный разрез глаз и смуглую кожу, из-за чего меня в Канаде частенько принимали за местную полукровку из резервации. Сама бабуля была откуда-то из Поволжья, но была ли она татаркой... сказать сложно. Время такое, редко кто в детдоме сильно доискивался до национальности подкидыша.

Так вот.

Ой-бай! Это ж они сейчас попрутся к пещере, а никто оттуда не уходил. Во всяком случае, я на это надеюсь. Уроды с ружьями! Напуганные до мокрых штанов... и упертые, как сволочи.

Я не должна этого допустить. Надо что-то сделать... что-то сделать... чтобы раз и навсегда шугануть сволочей с моего острова, чтобы смотреть через пролив в его сторону боялись!

Так. Этот белый господин ничего не боится, потому что человек разумный, его цинизм ему не позволяет в духов верить. А вот его помощники... этих можно попробовать застрашать, и есть надежда, что они либо сами ломанутся отсюда куда подальше, либо, в самом лучшем случае, и хозяина своего утащат силком.

Они про духа поминают? Медведицу в боевой раскраске местных племен. Вампум пофиг, без него пока обойдемся, а вот полосы на морде... белые полосы... стоп!

Я, стараясь не буриться сквозь кусты с треском, тем не менее развернулась и ломанулась по своим собственным следам в сторону пещеры. Всего за несколько минут до того, как я выбралась на край поляны, мне пришлось перебираться через небольшой овраг, по дну которого журчал один из бесчисленных ручьев. По дну из белой глины.

С разбегу сунув морду в раскисшую грязь, я отпрыгнула и зафыркала, чувствуя, как по шерсти стекает липкая жижа. Села на берегу и старательно лапами с растопыренными когтями протерла-расчесала морду. Белые полосы получились что надо. В шаге от меня ручеек образовывал тихую заводь, и в ней отразилась такая чудовищная харя, что я сама испугалась.

Ну, берегитесь, злыдни!

Глава 15

Так. Пока я наносила боевой макияж, изверги с поляны куда-то делись. Вот досада! Хорошо, что нюх у барибалов примерно в пять раз острее, чем у самых лучших собак-ищеек. А перца сыпануть на свои следы злыдни не догадались. А может, перца не было с собой. Ладно, главное – результат: по следам я нашла всю компанию очень быстро, догнала и убедилась, что вот прямо не зря разрисовала себе морду устрашающими полосами.

Эти сволочи шли обратно к пещере! Медленно шли, потому что индейцу и ряженому явно туда не хотелось, они всеми силами саботировали это дело, плелись нога за ногу. Но главгад с ружьем упорно топал по едва видимой среди влажного мха звериной тропе и подгонял подручных, как пастушья собака гонит перед собой строптивое и обленившееся стадо овец.

Эх, что бы такое придумать, чтобы ружье у гада отобрать? Или чтобы он его уронил, потерял, утопил... сам себе в задницу выстрелил, ага. Ладно. Медвежья командос вышла на тропу войны, так что посмотрим еще кто кого, к пещере я точно ни одного гада не пущу, даже если придется под пулями рисковать.

В идеале вообще загнать их куда-нибудь в топь или на край скалы, откуда некоторое количество врагов может сверзиться без посторонней помощи. Но о таких далеких перспективах я подумаю чуть позже, пока главное – свернуть их с тропы. Эхе-хе-хе-хе... неудобно ползать по-пластунски, когда ты медведь. А куда деваться? Причем ползти надо быстро, чтобы супостатов обогнать и явить им расписанную харю из кустов в нужном месте.

Представляю, как это выглядело со стороны... точнее, сверху. Топает по тропе компания людей, а вокруг них по кустам попой вверх на пузе бульдозером сквозь густую зелень бурится черная туша, мало того, что в глине перемазанная, так еще и увешанная самым разным растительным мусором по самые уши. Вот этот гигантский мохнатый слизняк приподнимает голову, убеждается, что диспозиция занята правильно, и...

– Хра-хра-хра-хр-р-р-р-кха!!! – высунув расписную башку в словно нарочно прорубленное упавшим кедром окно в густой зелени, я попыталась изобразить зловещий хохот, но не рассчитала, подавилась ревом и закашлялась.

Но так даже лучше получилось, потому что нормальный медведь в природе таких звуков точно не издает.

– А-а-а-а-а!!!

Заорали все трое, но если местные-ряженные-суеверные под этот крик ломанулись бежать обратно по тропе, то белый господин даже посреди вопля не растерял сноровку и сдернул с плеча двустволку пусть и трясущимися руками, но быстро и четко. Ах ты сволочь!

Я упала на пузо точно как на скаутских учениях, имитируя команду «воздух!», и двойной заряд под грохот выстрела впечатался в сосну где-то значительно выше моей головы.

Чуть хвост не отстрелил, скотина нехорошая! А я не виновата, что задница у меня больше головы и распластать ее по земле не получается. Уй-ю-юй, как же мне не нравятся эти игры с огнестрелом... Ползи, Златка, ползи, в следующий раз нам надо пугануть супостата из того места в кустах, куда его стволы не нацелены. И вообще... БУ-У-У-У-У! Ах ты зараза! Быстро перезаряжает...

– Шеф! Шеф! Бегите, шеф! – Индеец оказался более верным сподвижником, чем ряженный, тот задал стрелкача по тропинке, даже не оглядываясь, а вот местный охотник вернулся и под яростный мат шефа вцепился тому в портупею, силой уволакивая упрямого стрелка прочь

от страшного места. – Хозяин! Если вы совсем разозлите духа, она никого с острова не выпустит!

А, значит, индеец не столько преданный, сколько «знающий» и заботится прежде всего о себе. Причем настолько заботится, что плюнул на субординацию, огрел белого человека по башке какой-то палкой, когда тот вырвался и снова наставил ружье на кусты. Правильно! И волок его теперь подальше, волок! Р-р-р-рбу-у-у-у тебе напоследок для придания скорости! И лик прекрасный из кустов. Кто скажет, что не прекрасный, того сожру к лысым лосям.

Как бы там ни было, про пещерку, в которой надо найти труп Гринча, эти паразиты на какое-то время забыли. Умчались обратно в хижину-зимовку и там забаррикадировались, даже размазанные по всему периметру избушки охранники им не помешали. Вот я какая страшная молодец.

Какое-то время индеец и ряженный удержат там своего шефа. А мне надо успеть бегом бежать к берлогу, убедиться, что с моими подопечными все в порядке, а потом...

А потом хорошо бы посмотреть, как злыдни попали на остров, – в смысле, в каком месте причалили, где их лодка и нет ли в ней чего-нибудь полезного для меня лично. И как бы поизобретательнее напакостить. Прозрачный такой намек сделать на то, что духи недовольны.

Звериная тропа сама стелилась под лапы, похоже, я совсем освоилась с медвежьим телом и даже превратилась в натурального скакового мишку. Раз-раз – и уже вот он, глинистый откос, под которым вход в логово.

Вокруг тишина, рубашка, действительно простреленная и окровавленная, так и висит на кусте, где я ее пристроила сохнуть. Из темного зева пещерки ни звука. О господи, надеюсь, Айвену хватило ума дожидаться меня, надеюсь, его не понесло раненого-полуголого с ребенком на руках через лес неизвестно куда!

Так, спокойно, Златка, спокойно. Даже если понесло – твой нюх тебе на что? Найдем. И покусам, чтоб неповадно было так нас волновать...

Подойдя тихо, крадучись, ко входу в логово, я осторожно уркнула, а потом позвала, опять сама не понимая, как я это делаю, не используя медвежий артикуляционный аппарат:

– Айвен? Кристинка?

– Мама! – запищали внутри, и я облегченно выдохнула.

Вот как так вышло? Я прекрасно помню, что это не мой ребенок и не мой муж. И одновременно... мой. И мой. Вот выскочила мелкая мне навстречу, впилилась по недавно усвоенной привычке прямо в пузо, обхватила тонкими ручонками... и меня словно медом по сердцу мазнули.

О! Она снова девочка, а не медвежонок. Вот неугомонный перевертыш. Кажется, я понимаю, почему выбравшийся из темноты Айвен, бледный и осунувшийся, так хмурится и кусает губы.

Скорее всего, когда я зафутболила в него медвежонку, пряча обоих от врагов, эта стрекоза на лету от испуга и эмоций обернулась обратно в человека. Маленького, голого, беззащитного. И с ревом вцепилась в папу руками и ногами.

Разве мог он куда-то уйти, рискнув либо взять с собой перепуганное дитя, либо, тем более, оставить ее одну в логове? Особенно если она орала и рыдала на любую попытку оторвать ее от себя.

Нет, конечно. Явно даже мысли не возникло.

И... как бы я к нему ни относилась, учитывая мое предубеждение, заработанное в другом мире другим человеком, а тут зауважала. Не знаю, какой из него муж, но отец – правильный.

Только крайне недовольный тем, что сражаться с врагами пришлось жене, а он отсиживался в темной норе и носа не высывывал.

Глава 16

Да ни фигя, конечно, у меня не получилось убедить Айвена в том, что он поступает совершенно правильно, не создавая мне лишних проблем, когда сидит с ребенком в пещере. В его неиспорченном теорией равноправия мозге в принципе не укладывалось, как это – мужчина, даже раненый и обессиленный, прячется в укрытии, а женщина, даже мохнатая, когтистая и зубастая по самые уши, воюет с вражьиими силами.

Но спорить он мог сколько угодно, а против реальности не попрешь. Если жена просто встает и идет воевать, муж, если он нормальный и правильный папа, остается в патовой ситуации – ребенка тоже надо стеречь и защищать, хочешь ты того или нет. Прямо классический гендерный переворот, когда у привязанной к дитю стороны нет выбора.

– И что ты собираешься сделать с их лодкой? – хмуро спросил Айвен.

По-моему, он просто тянул время, не желая меня отпускать. Я его понимала, понимала, но... во-первых, надо. А во-вторых... ну что ты будешь делать с собственными мозгами, которые пошли вразнос от ударной дозы адреналина? Да я всей медведицей рвусь в бой, и меня даже огнестрел остановить не может, не то что там...

– Первым делом ограблю, – деловито доложила я. – Нам ребенка кормить, одевать и обувать. И вообще... они мне должны. Пусть голодают и боятся. Вдруг у них там кроме запасов провианта еще и боеприпасы запасные? Надо их утащить, все проще будет выгнать или сожрать вражин, когда у них патроны кончатся.

– И как ты собираешься поспособствовать тому, чтобы они у врагов кончились? – очень недобро прищурился Айвен, и я почувствовала, что перегибать палку с декларацией своего права на риск не стоит. Медвежья шкура не спасет, задомостроят, и буду я сидеть в пещере как примерная медведица, лапу сосать. И дите кормить-сторожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.